

The book cover features a monochromatic blue and black color scheme. At the top, a black banner with white text reads 'СУМРАЧНЫЕ ИСКУССТВА'. Below this, the author's name 'РИГАН ХЭЙС' is written in white. The central illustration depicts a woman with long, dark hair and her eyes closed, surrounded by several dark birds in flight. The background is a deep blue with faint, dark, swirling patterns. At the bottom, the title 'ПРОБУЖДЕНИЕ ТЬМЫ' is written in a large, ornate, white serif font.

СУМРАЧНЫЕ ИСКУССТВА

РИГАН ХЭЙС

ПРОБУЖДЕНИЕ
ТЬМЫ

Сумрачные искусства

Риган Хэйс

Пробуждение Тьмы

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Хэйс Р.

Пробуждение Тьмы / Р. Хэйс — «Издательство АСТ»,
2023 — (Сумрачные искусства)

ISBN 978-5-17-157983-8

Девятнадцать лет Регина Дарквуд жила среди людей и считала себя обычным человеком с заурядными проблемами. Девятнадцать лет мать прятала дочь, скрываясь от возмездия. Но жизнь Регины переворачивается с ног на голову, когда их настигает ковен ведьм и она узнает, что и сама является ведьмой. И пока Регина постигает колдовское мастерство, вокруг нее начинает стучаться мрак, а место, которое она вынуждена называть домом, — обрастать секретами. Удастся ли ей раскрыть все загадки ковена и узнать тайну своего предназначения? И устоит ли она перед соблазном тьмы, нашептывающей сладкие речи?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157983-8

© Хэйс Р., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Риган Хэйс

Пробуждение тьмы

Дизайн обложки Ольги Жуковой

Иллюстрация на обложке Натальи Динер

© Риган Хэйс, 2023

© Наталья Динер, иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Можно попытаться обогнать время, каким бы быстротечным оно ни было. Но сложнее всего обогнать смерть.

Особенно если та дышит тебе в затылок.

Огромный лес, простиравшийся на многие мили вперед, был скован холодом и туманом. Солнце уже неделю не показывалось из-за хмурой пелены туч, погрузив чащу в полумрак и безмолвие – будто кто-то остановил течение времени. И только маленькая девичья фигурка мелькала среди деревьев, уносясь от погони.

Из рта Айны Пендрегар вырывался пар разгоряченного дыхания. Полы ее потрепанной накидки то и дело цеплялись за ветви колючих кустов, а ноги спотыкались о вьющиеся корни деревьев, словно те не желали ее пропускать. Айна вскидывала ладони и резкими магическими выплесками отбрасывала от себя голые ветки, а затем продолжала бег. Не хотелось терять ни секунды: ее вот-вот могли настигнуть...

А ведь когда-то род Пендрегар был уважаем и чтим. Ее мать, Морвен Пендрегар, была женщиной с нелегкой судьбой, но смогла стать значимой фигурой в колдовском сообществе. Уж с ней-то всегда считались. Айна отлично помнила, как ведьму боялись, и неспроста: ее окрестили Кровавой Морвен за особенно жестокие расправы над теми, кто не пожелал присягнуть ей на верность. Век Морвен оборвался: члены колдовского круга не пожелали встать на ее сторону и пойти против Инквизиции. Они предпочли собственными руками уничтожить ведьму, чтобы заслужить благосклонное расположение церкви и мирно сосуществовать с нею. Айна же всегда считала путь Пендрегаров единственно верным: как можно сидеть сложа руки, когда твоих братьев и сестер сжигают на кострах, устраивают показательные казни?

Однажды Айна присутствовала на сожжении ведьмы и своими глазами видела мучения ни в чем не повинной женщины. Айна смотрела, как с костей несчастной лоскутами слезала плавящаяся плоть, а обезображенное лицо искажалось в гримасе агонии. Айне хотелось впитать каждое мгновение увиденного, вытатуировать на подкорке, чтобы навеки запомнить, как страшен человек.

Он не заслуживал пощады. Равно как и те, кто преклонился перед его мнимым величием.

По чужому велению кора дерева кусочками отделилась от стволов позади Айны и осыпалась, превратившись в острые, точно наточенные ишпы. Со свистом те полетели ей в спину, направляемые чьей-то рукой, и Айна чудом успела увернуться. Дыхание ее сбилось, сердце оглушительно забило в груди. Она резко оглянулась и заметила очертания нескольких фигур, что гнались за ней через весь лес. Одеты преследователи были в черные и белые плащи, по которым не составляло труда опознать ведьм местного ковена и друидов. Айна ускорила, не замечая ноющей боли в натруженных мышцах, и с горечью подумала, что сейчас, в век, когда за ведьмами охотятся обычные люди, сами же ведьмы помогают им и будто не прочь сделать за них всю грязную работу. В одночасье ближний друг обернулся врагом, мир перевернулся с ног на голову и правила игры поменялись для ее семьи раз и навсегда. Морвен была уничтожена, братья Айны, Бриан и Руадан, рожденные от разных отцов, уже пойманы и брошены в заколдованную темницу, где ожидали смертного часа.

Настал черед Айны, последней из рода Пендрегар.

Она, как могла, отражала враждебную магию, грозившую вонзиться в ее плоть, но силы ее неумолимо истощались. Все, что оставалось, – это бежать, не разбирая дороги. Каждый неверный шаг, каждая потраченная впустую секунда могли стоить ей жизни.

Очередной магический залп вспорол мерзлую землю под ее ногами, вынуждая оступиться, но Айне удалось удержаться и не упасть. Второй всплеск силы просвистел у самого уха, едва не задев лица. Страх в сердце Айны нарастал, каждый вдох давался ей через боль. В такие страшные секунды перед глазами у нее вставал ожесточенный взгляд матери, говоривший ей, как она слаба и недостойна зваться именем великого рода. И тогда в душе Айны вскипала настоящая ярость. Та бежала по венам, разливалась по всему телу и позволяла выдавить из себя последние соки ради выживания.

Морвен Кровавая была для Айны примером во всем. Мать была сильной, жесткой и детей воспитывала по своему подобию. Вокруг себя она возвела целый культ и вершила своеобразное правосудие. Но в какой-то момент она перешла запретную грань, за что была сурово наказана: с трудом изловив Морвен, колдовской Трибунал казнил ее, разорвав на куски, и разослал по кусочку осужденной каждому ее пособнику, включая членов семьи. Когда Айна с братьями получили «послание» в виде материнской головы, гневу их не было предела. Они решили мстить, и жестоко. Но финал всех ждал одинаковый – казнь. И прямо сейчас Айна старалась обогнать смерть.

В этот миг что-то ударило ее в спину. Она остановилась и обмерла. Позвоночник и мышцы сковало льдом, грудь сдавило, и вдохнуть хоть раз не представлялось возможным. Айна стояла, пытаясь пошевелиться, но вскоре повалилась наземь. Руки и ноги ее тут же обвили древесные корни, полностью обездвижив. И только когда преследователи подошли ближе, она смогла нормально дышать.

Над ней склонились пятеро: две ведьмы и трое колдунов в белых друидских плащах. Айна судорожно гоняла по легким воздух и с ненавистью смотрела в пустые глаза своих палачей. Ведьмы и колдуны глядели холодно, без капли жалости, а рты их изогнулись в презрительной ухмылке. До сих пор Айне удавалось избегать поимки, но, похоже, и ее час пробил. Отступить больше некуда.

– Попалась, беглянка, – почти выплюнула одна из ведьм, снимая капюшон и убирая сидящие космы за спину.

Айна наградила ее яростным взглядом. Она чувствовала себя загнанным зверем, что угодил в капкан, и готова была отгрызть себе ногу, чтобы сбежать, но, увы, это было невозможно: заколдованные пути связали ее крепко-накрепко.

– Теперь ты отправишься вслед за своими братьями, – отчеканила вторая ведьма. Уголок ее сморщенных губ пополз вверх.

Сердце Айны пропустило удар.

– Что с ними сделали?.. – пробормотала она, заранее боясь услышать ответ. Последней вестью о судьбе Бриана и Руадана было их заключение под колдовскую стражу, но как сложилась их дальнейшая судьба – можно было лишь с ужасом догадываться. Сердце Айны сжалось в предчувствии страшной вести.

– А ты не слышала, ведьма? – усмехнулся молодой друид. – Пять дней назад их казнил Трибунал за преступления против общины.

Айна впустила его слова внутрь себя, и они разрезали ее сердце на кусочки. Она взвыла зверем, и вой ее разнесся по ноябрьскому лесу. Айна была разбита потерей, почти уничтожена: ее любимые братья отправились в небытие, а она даже не смогла с ними попрощаться, находясь в позорных бегах.

Смерти родных она никогда не простит. Никогда.

– Трибунал уже давно томится в ожидании, Айна Пендрегар, – отчеканил седобородый старец-друид, морща большой нос от одного лишь ее имени. – Завтра на рассвете тебя казнят.

Глава 1

По оконному стеклу, не переставая, барабанил осенний дождь. Последние теплые августовские деньки в Бэйквелле пронеслись порывом ветра, сорвали листочки настенного календаря и уступили прохладному сентябрю.

В обычный день дверь «Лавки на Тихом холме» не закрывалась от сновавших туда-сюда людей, но в такой ливень большой надежды на посетителей не было. И все же Регина Дарквуд продолжала стоять за прилавком, переворачивая со скукой страницы утренней газеты. Внимание ее привлекла небольшая заметка почти в самом конце полосы:

«В лесах графства Стаффордшир обнаружен труп семнадцатилетней Элизы Брекстон, пропавшей неделю назад. В ходе вскрытия было установлено, что причиной смерти стал перелом шейных позвонков. Иных следов насилия или сопротивления обнаружено не было. Широкой общественности уже известен ряд похожих инцидентов, произошедших тремя и пятью годами ранее в графстве Йоркшир, близ болот Илки-Мур, а также в графстве Норфолк, на окраине парка Тетфорд, соответственно. Почерк преступлений идентичен и прослеживается четко: у всех найденных жертв сломаны шеи, а возраст убитых варьируется от семнадцати до двадцати лет. Однако версия о серийном убийце уточняется следствием».

Регина последний раз всмотрелась в фотографию убитой, на чьем лице навечно застыла беззаботная улыбка, и сложила газету пополам. Могла ли Регина быть на ее месте и улыбаться сквозь разводы типографской краски? Безусловно, могла. Огорчился бы читатель, глядя на ее предсмертную фотографию за завтраком с чашкой крепкого кофе? Едва ли кто-то вообще обращал внимание на подобные объявления и новостные сводки, если только они не наполнились кровавыми подробностями. В тени рутины бесконечных дел, праздности и суеты совершались разного рода гнусности, но многие предпочитали закрывать на них глаза. Если бы на месте погибшей оказалась Регина, вряд ли бы о ней вспомнили на следующий день. Новый инфоповод затмил бы ее гибель, и имя Регины пропало бы в анналах быстротечной истории. Еще одна из тысячи, ничего особенного.

Мерзопакостная погода добавляла Регине мрачных мыслей: еще до дождя воздух на улице наэлектризовался так, что пальцы потрескивали, касаясь предметов вокруг. Сердце необъяснимо наполнилось тревогой и странными предчувствиями, а завывания ветра за дверью пробуждали ото сна армию мурашек на коже.

Взгляд Регины упал на полки: баночки плотными рядами тянулись от одного конца стеллажа до другого и ждали своих покупателей. Они таинственно поблескивали в тусклом свете «Лавки»; этикетки, повязанные тонкой бечевкой, легонько подрагивали на сквозняке, что тянулся от двери. Магазин Регина с матерью держали на двоих уже много лет – тот кочевал с ними из города в город, как верный пес за своим хозяином. Мать Регины, Гвендолин, варила причудливые бальзамы, настойки и зелья, как она их сама называла, способные изменить жизнь человека к лучшему. Регина всегда считала это не более чем рекламным ходом, который, кстати, отлично работал: баночки и пузырьки с забавными этикетками «*От хворей*» и «*От несчастной любви*» разбирали сразу же, как те появлялись на полках.

Гвендолин была настоящим мастером в приготовлении снадобий для «Лавки». Регина помнила, как еще ребенком помогала матери варить пахучие смеси: тимьян и ромашка – от головной боли, дудник и ягоды можжевельника – для защиты от темных сил. Регина никогда всерьез не задумывалась, от каких темных сил должны были защищать снадобья, и считала все это баловством, в духе викканских зеленых ведьм. Но сам процесс создания бальзамов и настоек Регине нравился, успокаивал и дарил надежду. С самого утра они с мамой могли оккупировать кухню и весь день напролет шинковать травы, крошить ножом лепестки свежих цветов, заливать винтажные баночки растворами самых удивительных оттенков и запахов, от которых на всю улицу растекался чудный аромат, завлекая прохожих в лавку. Любимой у Регины была сладкая нотка сирени: когда сиреневый запах разносился по всему дому, она ощущала, как в груди расцветают бутоны радости.

И хоть в памяти Регины детство было наполнено счастьем, не всегда дела их шли радужно. Часто переезжая, они с Гвендолин были вынуждены каждый раз начинать все с начала: искать подходящий дом, уговаривать снизить арендную плату за небольшой процент от доходов будущей лавки, печатать рекламные буклеты, наращивать клиентскую базу. В иных местах их вытесняли конкуренты, владеющие оккультным магазинчиком или торгующие заговоренными талисманами. Однажды это зашло весьма далеко: дом, который они арендовали, подожгли в ночи, и, если бы не мамина реакция, от них бы остались только косточки да угольки.

Многие недели после Регина с матерью перебивались с хлеба на воду, экономя буквально на всем. Но труднее всего было раз за разом видеть незнакомых людей, которые косо поглядывали на их дом и старались обходить его стороной.

Тишину пустующей лавки нарушил неожиданный перезвон колокольчиков над входной дверью и известил о госте. Регине сперва подумалось, кто-то просто решил спрятаться от дождя и юркнул в первую незапертую дверь. Но, подняв голову, она увидела уже немолодую женщину со светлыми уложенными волосами, которая суетливо складывала мокрый зонт. То была Марион Леннокс – она частенько заглядывала в «Лавку на Тихом холме».

Многие женщины, захаживавшие к ним в магазин, поначалу скептически осматривались, с недоверием брали одну-другую склянку, знакомились с содержимым, иногда суя любопытный нос прямо в баночки, и ставили обратно, нервно поглядывая на Регину, будто та стояла с ножом у их горла и требовала непременно принести доход в кассу. Так было и в Дублине, и в Норидже, и теперь – в Бэйквелле, из-за чего жизнь все больше напоминала нескончаемый день сурка. Чаще всего боязливые гости уходили, так ничего и не купив, не забывая кинуть презрительный взгляд на прощание. Но время шло, и через неделю эти же женщины могли вернуться за парой баночек фиалкового настоя или верескового бальзама, не смотря при этом в глаза Регине. Она никогда не осуждала их и непременно улыбалась, вручая пакет с покупками; говорила стандартное «приходите к нам снова!», после чего покупательницы нервно поджимали губы и пулей вылетали из магазина.

В первый свой визит Марион Леннокс вела себя точно так же, вдобавок пустив молву о «практикующих черных ведьмах». Бэйквелл – городок крохотный, и сплетня разлетелась быстрее ветра. Благодаря стараниям Марион дела поначалу шли очень туго, пока миссис Лен-

нокс случайно не столкнулась с Гвендолин в супермаркете. Там, стоя в очереди у кассы, мама убедила Марион взять на пробу бальзам для густоты волос, отдав баночку бесплатно, – она всегда носила с собой парочку экземпляров, рекламы ради. Миссис Леннокс, конечно, скривила губы, но баночку взяла. В ту самую минуту она и попала в сети Дарквудов, став их самой преданной клиенткой.

Весть о чудодейственных качествах зелий из «Лавки на Тихом холме» облетела городок так же быстро, как и ранние заявления Леннокс, и магазин наводнили женщины, нуждавшиеся в бережном уходе, искренней любви и излечении давних болячек. Редко сюда забредали и мужчины, но, как казалось Регине, по большей части, чтобы поглазеть на Гвендолин. Это было неудивительно, мама ведь была очень красива: среднего роста, синеглазая, с чувственными губами цвета спелой малины и длинными, черными как смоль волосами, которые она любила собирать в красивые прически. Регина была ее точной копией, лишь с маленьким отличием в виде крохотной родинки слева под губой, но предметом восхищения всегда была Гвендолин. Мама умела околдовать любого, и, наверное, именно природные чары помогли ей однажды растопить холодное сердце Марион Леннокс, что бродила сегодня возле полок и выверенными движениями хватала с них нужные баночки.

Снабдив корзинку месячным запасом целительной артиллерии Дарквудов, Марион подошла к Регине.

– Ну и денек, правда? – фыркнула миссис Леннокс, потряхивая сырым зонтом. Небольшие лужицы скопились у ног женщины.

– Не то слово, – вздохнула Регина, бережно запаковывая несколько банок «Сонного бальзама» и настойку с экстрактом цикламена. Это растение часто использовали, желая повысить шансы к деторождению. Марион так и не познала счастья материнства, но отчаиваться, судя по всему, не собиралась. – Похоже, к ночи начнется настоящий шторм.

Регина рассчитала Марион, протянула крафтовый пакет и привычно сказала:

– Приходите к нам снова!

– Ты же знаешь, я прибегу и в дождь, и в снег, как только закончится «Сонный бальзам», – подмигнула миссис Леннокс, забирая пакет с покупками. – Иначе бессонница сведет меня с ума, и я снова буду злая как черт.

С этими словами Марион прощально махнула рукой и распахнула входную дверь. Колокольчики вновь затрещали. В лавку ворвался сильный порыв ветра, чуть не сбив женщину с ног. С трудом она раскрыла зонт и, семеня ногами, побежала к машине, которую оставила неподалеку.

Регина взглянула на настенные часы: стрелки показывали семь пятнадцать. Регине подумалось, что едва ли еще кто-то сумасбродный решится высунуть на улицу нос в такую непогоду, и заперла входную дверь, не забыв повернуть обратной стороной табличку с надписью «Открыто». Захватив с прилавка недочитанную газету, Регина отправилась наверх, но, поднимаясь, испуганно вздрогнула: на улице оглушительно грянул гром.

Поздним вечером, как и предполагала Регина, разразился ураган. За окном бушевал взбесившийся ветер, а громыхало так сильно, словно раскалывались пополам небеса.

Из-за непогоды в доме сбоила сеть, так что сегодня Регина оказалась полностью отрезана от виртуальной жизни. За неимением лучшего она расположилась в мягком стареньком кресле в комнате на втором этаже, где обитала последние полгода, и пыталась дочитать потрепанный сборник «Кельтских сумерек» Йейтса¹. Перечитывать по осени рассказы о таинственных существах из ирландских преданий стало чем-то вроде доброй традиции. На прикроватном столике похрипывал виниловый проигрыватель, неспешно прокручивавший пластинку с ненавязчивым фолком и соло Мойи Бреннан², а на письменном столе рядком стояли несколько зажженных свечей с ароматом сандала и розмарина. Пламя подрагивало на сквозняке и вращалось в волшебном танце. Комната Регины была обставлена скромно, но уютно, однако привыкать к ней не стоило – мать снова грозилась скорым переездом.

Переезды – неотъемлемая часть их жизни. Порой Регина считала их с мамой кочевниками, неспособными прижиться ни на одном месте планеты Земля. Они объездили ряд городов Ирландии, затем Англии, и все это в течение каких-то шести лет. Нигде им не удавалось пожить дольше полугода, но почему? Этим вопросом Регина часто донимала Гвендолин, но ответ всякий раз был одинаков – так надо. Можно было разозлиться и объявить бойкот, можно было плакать навзрыд и отказываться ехать, но Регина старалась не позволять себе вольностей – она привыкла доверять матери больше, чем себе. В конце концов, кроме Гвендолин у Регины никого не было, отца она никогда в глаза не видела. Вопрос об отце был вторым по частоте в детстве, но и здесь Регину постигла неудача: мать напрочь отказывалась о нем рассказывать. «Он умер», – говорила Гвендолин, и на том всегда обрывала разговор, не оставляя никаких шансов выяснить хоть какие-то подробности.

Регина часто меняла школы и потому не могла завести более-менее крепких знакомств, не говоря уж о крепкой дружбе. Порой они уезжали в такой спешке, что она не успевала даже попрощаться с новыми одноклассниками или соседями, и исчезала, словно дым.

Регине иногда казалось, что мать как будто боится чего-то, раз так стремительно собирает их пожитки и срывается, куда глаза глядят. Однажды Регина вернулась с вечернего киносеанса, была уже почти ночь. Как только она перешагнула порог двери, мать вихрем налетела на нее с кучей чемоданов и велела вызвать такси. «Мы уезжаем», – только и сказала она в ответ на стоны и возражения дочери. Регина помнила, каким безумным и напуганным тогда был взгляд матери, руки ее дрожали, голос выдавал тревогу. Может, ее отец вовсе не был мертв, как утверждала Гвендолин, и преследовал их, желая причинить зло? Других предположений на ум не приходило, чтобы оправдать параноидальное состояние матери, в которое та иногда впадала. В итоге они закинули вещи в такси, поехали на автовокзал, а на вопрос: «Куда мы теперь?», мать ответила: «Не знаю». Они уносились прочь снова и снова, бесцельно, без плана, и это пугало Регину куда больше тревожного лица Гвендолин.

От кого они убегали?

Этот неведомый страх передался Регине и стал частью ее существа. Возможно, поэтому со временем внезапные материнские порывы к поиску нового пристанища стали ей так привычны. «Нужно, значит нужно», – успокаивала себя Регина и отправлялась собирать вещи.

Так и пару дней назад мать заявила, что вскоре они снова отправятся в путь.

– Куда на сей раз? – спросила Регина, вздыхая.

– В Штаты, – решительно ответила мать.

Это удивило Регину. Обычно они не выбирались за пределы Великобритании, а тут вдруг – Штаты. Понадобится время, чтобы оформить документы и упаковать все вещи, поэтому на пару недель можно выдохнуть и расслабиться. Но что будет потом? Что за новую жизнь запла-

¹ «Кельтские сумерки» – сборник рассказов и статей об ирландском фольклоре, написанный ирландским англоязычным поэтом и драматургом Уильямом Батлером Йейтсом.

² Мойя Бреннан – ирландская певица, исполнительница песен в жанре фолк, нью-эйдж.

нировала для них Гвендолин? И неужели все так плохо, раз приходится бежать на другой конец света?

Вопреки обычному смирению, новый каприз матери терзал Регину. Сомнения прорастали изнутри, а негодование рвалось наружу, но что это изменило бы? Регина была сильно привязана к матери и любила ее несмотря ни на что. Порой ей казалось, что они неразделимы. Даже в самых смелых мечтах Регина не могла представить, что оставит мать одну и заживет собственной жизнью вдали от нее, – настолько дикой была эта мысль.

За окном снова громыхнуло, и Регина отвлеклась от Йейтса, не дочитав всего пары страниц. Если не считать дробы дождевых капель по стеклу, в комнате было подозрительно тихо. Проигрыватель странным образом заглох, пластинка замерла, не доиграв еще две композиции. Свечи на столе потухли, и белесые струйки дыма тянулись вверх от фитиля. Регина только сейчас заметила, как сумерки сменились ночной тьмой, а небо стало еще чернее от плотных туч. Она выключила торшер и спустилась на первый этаж в поисках матери.

Уже подходя к кухне, Регина услышала знакомые ароматы: душистый тимьян и вербена, розмарин и полынь. Круглый обеденный стол был завален травами, которые мама нарвала в их маленьком саду и собрала в тугие пучки. На плите в большой кастрюле кипело варево, а на соседней столешнице Гвендолин расставила рядами стеклянные баночки, в которые половником заливала пахучие смеси. Регина догадалась, что мать готовилась к завтрашней ярмарке в честь празднования Мабона: в Бэйквелле такую проводили впервые, и Гвендолин решила принять в ней участие, чтобы выручить побольше денег.

– Тебе помочь?

Гвендолин обернулась и указала на травяные связки:

– Развесь на крючки излишки, будь добра.

Регина послушно подошла к стене, увешанной десятком медных крючков, и развесила растения на засушку. От трав шел пряный аромат, на секунду вернувший ее в детство – во время, когда странствия их бесприютной семьи не казались такими изнуряющими.

Вдруг что-то противно заняло внутри Регины, заудело, и она осторожно спросила:

– Ты уверена, что нам стоит ехать в Америку?

Гвендолин раздраженно вздохнула.

– Регина, мы это уже обсуждали. Как только я разберусь с документами и жильем – мы уедем. Кто знает, может, там и бизнес пойдет успешнее? Говорят, американцы к подобным вещам относятся лояльнее и с большим интересом.

– Бизнес... – фыркнула Регина, плюхаясь на стул за круглый кухонный столик. – И жить мы будем в большом особняке, с десятью комнатами и бассейном, когда сколотим состояние.

– Прекрати язвить, – одернула ее мать. – Да, мы всегда жили скромно, но я и не думала, что ты мечтаешь о дворце с личным бассейном.

Регина помедлила, а затем ответила:

– Я мечтаю не о дворце. Я мечтаю... о доме. О постоянном месте, где бы я могла с уверенностью сказать, что это мое прибежище. Мне надоело везде быть чужой. Надоело, что на нас смотрят, как на мошенниц. Хочу спокойствия, понимаешь? Хочу в колледж, как все нормальные люди.

Упомянув колледж, Регина бросила гранату, но отступать было уже поздно. Мать встала с пола, отряхнула запачканные травой руки и устало посмотрела на дочь.

– Прощу, не ступай на опасную территорию. – Взгляд Гвендолин не сулил ничего хорошего. – Я говорила тебе раньше и повторю сейчас: в колледж ты не пойдешь. Или тебе напомнить, что случилось с Михаэлем?

При упоминании знакомого имени Регина вздрогнула и ощутила, как почву выбило из-под ног. Ее моментально выбросило назад в прошлое, в один из чернейших дней, о которых не хотелось бы вспоминать.

Регина тогда в очередной раз переехала с матерью и зачислилась в новую местную школу. Первое время одноклассники опасливо главели на нее, словно не зная, чего ожидать от новенькой, дерзкие мальчишки пытались провоцировать ее на флирт, но быстро теряли интерес, сталкиваясь с угрюмым молчанием. А вот Михаэль, выделяясь из прочей массы, сразу проникся к Регине симпатией, чем вызвал ее недоумение. На тот момент ей исполнилось шестнадцать, она была хороша собой, однако тепла Регина от людей получала не то чтобы много. И ей было сложно отказаться от капельки человеческой доброты, а потому, когда Михаэль приударил за Региной, она не возражала. День за днем их отношения крепили, а чувства – росли. Уже через месяц Михаэль звал Регину *своей девчушкой*, и вместе они ходили под ручку после занятий. Однако долго эта идиллия не продлилась.

В какой-то момент Регина слишком увлеклась. Ей до сих пор было до конца не ясно, что именно произошло. Что она сделала.

Когда настал момент близости, который должен был стать особенным для обоих и связать их еще больше, все вышло совсем наоборот. Регина будто выпустила из себя нечто темное, необузданное, о чем и сама не подозревала, и это нечто едва не убило Михаэля. Регина помнила все в деталях, будто это было вчера: он лежал на кровати и задыхался, кровь отлила от его лица, а она высилась над ним и просто смотрела, смотрела на него, не сводя глаз... И только когда до Регины дошло, что Михаэль умирает, она опомнилась, вскочила с постели и вызвала «неотложку». Секунда промедления – и все было бы кончено, но, к счастью, врачи прибыли оперативно. Несколько дней Михаэль пролежал в больнице, приходя в себя, а Регина ночами не знала сна и не могла найти смелости навестить его. Она не понимала, что случилось, но интуитивно чувствовала, что именно она вызвала у него асфиксию, не прикасаясь при этом к шее. Какое-то время удавалось тешить себя мыслью, что всему виной дурь, которой Михаэль не брезговал, но в тот день он был свеж и трезв, и вскоре утопическая теория потерпела крах.

Через какое-то время Михаэль вернулся домой. Регина набралась храбрости позвонить, но он не отвечал на ее звонки. Когда она приходила к его дому – он не выходил. Михаэль избегал ее, это было ясно. Регина чувствовала себя монстром, так и не разобравшись, что точно натворила.

Но это были лишь цветочки... Горькие ягоды созрели после.

Как только Михаэль вернулся в школу, на Регину стали бросать косые взгляды. Кто-то шептался, завидев ее в школьных коридорах, а кто-то грубо толкал в плечо. Всего раз Регина столкнулась взглядом с Михаэлем, случайно встреченным у шкафчика, и тут же поняла, кто приложил к сплетням руку.

Регина поймала Михаэля после уроков и потребовала объяснений, но между ними разгорелась ожесточенная ссора. Хороший мальчик внезапно показался ей не таким уж хорошим, раз пустил про нее грязные слухи. Михаэль обозвал ее непотребным словом и пошел через дорогу в сторону дома, бросив Регину посреди улицы в слезах. И когда из-за угла показалась машина, она снова сделала это.

Машина прибавила скорость и влетела в Михаэля. По дороге рассыпалось битое стекло, уши Регины заложило от свиста шин. Михаэль чудом выжил, хоть и получил серьезные травмы. После этого случая Дарквуды сразу же переехали. То был единственный раз, когда инициатором переезда выступила сама Регина.

С тех самых пор она боялась самой себя. Подруг не заводила. Связи с парнями были короткими, если не сказать, однодневными. Хоть подобных случаев больше не повторялось, Регина не решалась кому-то довериться. Боялась снова сделать что-то, чему по сей день у нее не находилось разумного объяснения. Будто внутри нее жила незнакомка, опасная и пугающая. Когда Регина рассказала матери о случившемся, та расстроилась, ушла в себя, словно понимала, что происходит с дочерью, но не сказала ни слова.

Со временем чувства притупились, и Регина перестала придавать странностям значение. Жизнь шла своим чередом, переезд сменялся переездом, и вскоре Регина привыкла жить на чемоданах. По крайней мере, до сегодняшнего дня.

Не ожидая такого удара от матери, Регина молча встала и демонстративно ушла с кухни, а мать даже не пыталась ее остановить и извиниться. Регина поднялась на второй этаж, зашла в комнату и тихо закрыла дверь. Сменила домашний комплект на ночную сорочку, плюхнулась в кровать и уставилась в потолок.

«Ты чертова убийца», – прозвучал в голове голос Михаэля и вызвал дрожь во всем теле.

Регина с силой сомкнула веки, отбросила страшные картинки из прошлого и незаметно упала в объятия сна.

Ей снился лес.

Регина стояла перед зеленой стеной и всматривалась в темноту между деревьев. Ей казалось, будто в чащобе с молниеносной скоростью сгущались сумерки. Чутье подсказывало ей: «Беги!» – но ноги не слушались. Из леса донесся шепот, непонятно, кому принадлежавший:

«Иди ко мне...»

Мрачный вид чащи пробуждал необъяснимый ужас, а потому Регина не сдвинулась с места. Шепот повторился, на сей раз тон его прозвучал скорее повелительно, даже угрожающе:

«Иди ко мне!»

Тут на Регину обрушился целый шквал из множества шепчущих голосов. Они разрывали ее сознание, звучали все требовательнее, повторяли ее имя бесчисленное количество раз, пока голова не начала раскалываться. Регина взвыла и упала на колени, сжав виски ладонями. Она взглянула на деревья перед собой и увидела густую тьму между корявых стволов. Тьма клубилась сгустками дыма, надвигалась на нее, подползала по траве к ее ногам.

Превозмогая головную боль, Регина отталкивалась ногами от земли и пыталась отползти подальше, но черные щупальца ползли вслед за ней. Вскоре они обвили ее лодыжки, связали запястья, лишая возможности двигаться. Вблизи Регина разглядела в темных сгустках древесные корни, извивавшиеся тонкими змейками.

И только когда те обхватили кольцом ее горло, в приступе удушья Регина проснулась.

Она подскочила на постели, шумно вбирая в себя недостающий кислород. Осмотрелась по сторонам – вокруг были привычные стены ее комнаты. Никакого мрачного леса. Никаких древесных пут на запястьях. Регина потрогала простыню – та оказалась насквозь промокшей от ее остывающего пота. За окном едва занималась заря. Поняв, что уснуть уже не получится, Регина встала и отправилась к креслу, плюхнулась в мягкие подушки и уставилась в окно. Снаружи стрекотали сверчки, вернувшиеся к своему пению после грозового урагана, и еле слышно шумел ветер. Под монотонный стрекот Регина вновь проваливалась в сон, но внезапный стук в окно заставил ее распахнуть глаза и подскочить в кресле.

На наружный подоконник села птица. Темные перья ее почти сливались с предрассветной тьмой. Ониксовые глазки-пуговицы черной вороны пристально изучали испуганное лицо Регины. Этот взгляд будто проникал в самое нутро и видел, что там кроется. Регина могла поклясться, что чувствует, как ее изучают. Она робко протянула ладонь к оконному стеклу и дотронулась пальцами до места, где по ту сторону скакала по подоконнику ранняя гостья.

Ворона приглушенно гаркнула, взмахнула крыльями и улетела прочь, оставив после себя одно длинное перышко. Подчиняясь любопытству, Регина открыла окно и хотела было взять перо, но, к своему изумлению, больно обожглась о него.

– Ай! – зашипела она и отдернула пальцы, не понимая, как птичье перо могло ее обжечь. Регина аккуратно поддела его ногтем и ухватилась за твердое основание. Она поднесла перо к лицу, повертела из стороны в сторону, смотря, как ворсинки переливаются перламутром в еще блеклом утреннем свете. Но тут перо неожиданно вспыхнуло огнем: маленькое пламя охватило его целиком и сожгло без остатка. На подушечках пальцев Регины остались лишь пятна сажи.

Что за чертовщина?..

Испугавшись, что гостя еще вернется, Регина с шумом опустила окно и для верности зашторила его. Затем вскочила с насиженного места и мигом зажгла все защитные свечи, которые мать расставила по ее комнате. Впервые в жизни Регина поддалась суевериям Гвендолин.

Но точно не впервые ощутила, что столкнулась с тьмой.

Глава 2

За неделю до праздника Гвендолин договорилась с местным муниципалитетом и арендовала уличную палатку в центре города. Мабон наступил, но, хоть день был праздничным, солнце так и не выглянуло из-за серого слоя туч. Регина, то и дело не прекращая зевать, была совсем не в праздничном настроении после столь беспокойной и даже жуткой ночи. Она все еще сомневалась, стоит ли рассказывать матери о странном случае и еще более странном сне, но, памятуя о мастерском умении Гвендолин уходить от разговоров о необъяснимых и экстраординарных вещах, все же передумала.

Вдвоем они опустошили сумки и расставили все свои запасы на палаточной витрине. Гвендолин выставляла их по категориям («лечебные», «успокаивающие», «любовные»), а Регина бечевкой привязывала к ним бумажные ценники. Это оказалось непростой задачей: будто в продолжение вчерашней бури поднялся сильный ветер и то и дело вырывал бумажки из рук, разнося их по улице.

Торговля в последующие часы шла неважно: по большей части люди проходили мимо, лениво скользнув взглядом по рядам прозрачных и темных баночек. Вскоре Регина совсем задрогла от ледяного ветра, несмотря на кожаную куртку. Гвендолин участливо тронула дочь за плечо и сказала:

– Пойду возьму нам по горячему кофе, чтобы согреться.

Регина ответила матери натянутой улыбкой и проводила ее взглядом до ближайшей кофейни. Она обхватила себя за предплечья и топталась на месте, пытаясь вновь почувствовать пальцы заледеневших ног. Если так пойдет дальше, то торговлю придется свернуть, даже не отбив затрат на аренду. Регина раздраженно клацнула зубами и вдруг в толпе проходящих мимо людей заметила ее.

Незнакомая седоволосая женщина в темном плаще стояла на другом конце улицы и безотрывно глядела на Регину. От ее пристального взгляда стало еще холоднее, а по коже пробежала волна мурашек. Регина спешно отвела глаза, решив не провоцировать незнакомку на контакт. Но будто назло, женщина двинулась ей навстречу.

«Вот черт».

Седовласая подошла ближе и, только когда оказалась в полуметре от Регины, промолвила:

– Гвендолин, это ты?

В голосе женщины сквозили растерянность и удивление. Регина же была удивлена не меньше, услышав из уст незнакомки имя матери. Вблизи Регине удалось получше разглядеть

ее: морщинистое, но подтянутое лицо, серые пронзительные глаза и кудрявые белые волосы, рассыпавшиеся пышной гривой по плечам и спине. Женщина была высока ростом и почти нависала над Региной. Опустив глаза ниже, Регина заметила на ее плаще кант из кельтской вязи. Плащ не выглядел современно, но сегодня же Мабон – древний кельтский праздник, и многие люди отдавали дань традициям своим способом.

– Боюсь, вы ошиблись, – робко ответила Регина, подняв глаза. – Гвендолин – моя мать. Вы с ней знакомы?

Глаза женщины изумленно округлились, а лоб пересекли борозды морщин.

– Да... Мы были знакомы когда-то, – выдавила женщина, разглядывая Регину. Теперь-то она наверняка увидела различия между ней и Гвендолин, хоть они и правда были почти неотличимы друг от друга.

– Простите, как ваше имя? Гвендолин отошла ненадолго, но я могу передать, что вы ее спрашивали, – сказала Регина, а потом спохватилась: – О, в честь Мабона я кое-что дам вам в подарок, подождите минутку!

Регина нырнула под палаточный стол-витрину в поисках лучшего бальзама от мигреней, который они приберегли для особенно щедрого клиента, но он все не попадался. Пусть бальзам отправится в добрые руки, да и реклама лишняя им не помешает. Регина с минуту копалась в пакетах, а когда нашла искомое, издала победный возглас и выпрямилась.

– Вот, возьмите бальз... – начала Регина, но у палатки уже никого не было. Она замерла с баночкой в руке, глазами выискивала в толпе белые кучерявые волосы, но женщина словно растворилась в воздухе. Как жаль, а ведь Регина даже не успела разузнать ее имени...

Зато на другой стороне улицы она заметила идущую к ней мать с двумя стаканчиками кофе. Когда она подошла, то себе оставила американо, а Регине протянула капучино с ореховым сиропом.

– Ну как, продала что-нибудь, пока меня не было? – поинтересовалась Гвендолин, отпивая кофе из пластикового стаканчика.

– Не особо, – пожала плечами Регина, сделала глоток и добавила удрученно: – Если честно, то ничего.

Гвендолин не ответила, а лишь задумчиво покачала головой.

– Кстати, тебя спрашивала какая-то женщина.

– Какая женщина?

– Высокая такая, – описала Регина. – Уже немолодая, но и не совсем пожилая, хоть волосы у нее и были совсем белые, кудрявые.

Тут стаканчик выпал из рук Гвендолин, и асфальт залила темная жидкость. Лицо матери побледнело, а глаза наполнились уже знакомым Регине чувством. В них отчетливо читался страх.

– Мам, что такое? – забеспокоилась Регина. Мама и правда выглядела странновато, но вблизи опасной Почему именно опасной? Странно звучит в этом контексте, не показалась. – Ты ее знаешь?

Гвендолин помолчала пару секунд, а затем замотала головой и тихо сказала:

– Нам пора домой.

С самого возвращения мать не проронила ни слова. Она сбросила сумки с нераспроданными снадобьями на кухне, шустро проскочила по лестнице наверх и закрылась в своей комнате. Регина, все еще пребывая в растерянности, поднялась вслед за ней и замерла у закрытой двери, вслушиваясь: изнутри шел терпкий травяной аромат и доносилось неразборчивое бормотание, как если бы Гвендолин читала молитву. Регина постучала костяшками пальцев по двери, а затем повернула ручку и вошла.

Вокруг были расставлены все защитные свечи, какие только можно было найти в доме. А в центре комнаты сидела на полу мать. Она сложила руки на груди, мерно раскачивалась в трансе и бормотала что-то невнятное. На секунду Регине почудилось, что мать бубнила на неизвестном ей языке, но, возможно, это был лишь обман слуха.

Регина подошла к матери со спины и осторожно дотронулась до ее плеча. Гвендолин тут же вздрогнула и обернулась. Руки матери знакомо подрагивали – дурной знак.

– Мам, все в порядке?

– Не знаю, милая, – дрожащим голосом изрекла Гвендолин и вытерла пот со лба тыльной стороной ладони. – Что-то беспокойно мне сегодня, тревожно.

Регина и сама испытывала похожее чувство. Сначала ураган, затем ночной кошмар и эта загадочная птица с обжигающими перьями... И, конечно же, седовласая незнакомка, вызвавшая у матери острый приступ панической атаки. Что бы это все могло значить?

– Ты поэтому зажгла весь свой свечной арсенал? – спросила Регина. Она хотела было заглушить парочку во избежание пожара, но мать вдруг закричала:

– Не трогай! Они защищают нас.

Регина отдернула руку и раздраженно закатила глаза.

– Может, ты расскажешь уже, что происходит? – не выдержала она. – От кого ты пытаешься нас защитить? От кого мы постоянно бежим?

Мать не удостоила ее ответом, а только продолжила шептать и раскачиваться в такт своим речам. Регине вдруг сделалось не просто страшно, а даже жутко: на ее глазах мать сходила с ума. А что, если и ей, Регине, передалось материнское безумие? Появившиеся странные сны и сгорающие в руках перья вполне могли быть свидетельством прогрессирующей шизофрении. Кто знает, вдруг Михаэль был не так уж неправ на ее счет?..

«Ты чертова убийца!»

Регина вылетела из комнаты матери и вернулась в свою.

На стене висело большое прямоугольное зеркало в медной оправе, купленное на барахолке пару лет назад, которое теперь кочевало из дома в дом, не вписываясь ни в один интерьер. Регина взглянула на свое отражение, пытаясь убедиться, что выглядит как обычный человек, и никакого безумного огонька не таится в глубине ее синих глаз. На первый взгляд она была такой же, как всегда – спокойной, хладнокровной, но и мать с виду казалась абсолютно благоумной. Становилось больно от мысли, что человек, к которому Регина так сильно привязана, и не только кровными узами, вдруг начинает терять рассудок.

Размышления ее прервались оглушительным раскатом грома, расколовшим небеса, а в окна ударили потоки начавшегося ливня.

В этот же миг зеркало с хрустом треснуло пополам: от тянущейся наискосок линии разлома бежали мелкие трещинки, будто на льду. Отражение Регины разломилось на сотню кусочков, и в каждом из них она ловила свой недоуменный взгляд. Она заворуженно провела пальцами по стеклянным бороздкам и вдруг ощутила резкую боль. Поднесла саднящий палец к лицу и увидела выступившую кровь.

– Регина!

Громкий окрик матери вывел ее из оцепенения, и она рванула пулей на зов. Мамин голос был не на шутку испуганным. Регина вновь вбежала в ее комнату, но Гвендолин там не оказалось. Она прошла к черному выходу в задней части дома и обнаружила мать, сидевшую на

коленях напротив входной двери. Щурясь в темноте, Регина нащупала на стене выключатель и пощелкала панелью. Света в доме не было.

– Мам? – позвала она, но та не реагировала. Гвендолин сидела на полу и все еще что-то торопливо шептала, но Регина ничего не могла разобрать: слова сливались в неведомую тарабарщину.

– Мам, что случилось? Почему ты кричала?

Гвендолин заправила за ухо выбившуюся прядь черных волос, развернулась и схватила дочь за плечи.

– Регина, быстро собирай вещи, мы должны уезжать, сейчас же!

– Что происходит, почему? – недоумевала Регина. В любой другой день она не удивилась бы, но сегодня мать практически плакала от ужаса.

– Я сказала сейчас же! – закричала она и снова принялась шептать на неизвестном языке, сев напротив двери. Поведение матери пугало Регину больше, чем треснувшее ни с того ни с сего зеркало. Гвендолин странно взмахивала руками, будто совершая некий обряд. Не понимая, откуда она набралась таких вещей, Регина начала было подниматься по лестнице, как вдруг входная дверь с шумом распахнулась.

Регина обернулась и увидела, как с порывом ветра и дождя в дом начал наплывать призрачный туман. Сердце ее сжалось от страха и неприятия происходящего. Время словно замедлило свой ход. Ноги Регины приросли к лестнице, и она стояла, не двигаясь.

Из струящегося с улицы тумана плавно, словно не касаясь земли, выплыли три фигуры в темных плащах. Регина разглядела на кромке их балахонов вышивку в виде знакомого кельтского плетеного узора. От возникшего в голове воспоминания ее заколотила дрожь. Головы прибывших были накрыты капюшонами, но даже в темноте Регина угадала под ними женские лица. Узнала она среди них и седовласую женщину.

Гвендолин заслонила собой оцепеневшую дочь. Фигуры замерли напротив них, не говоря ни слова и посверкивая глазами в полумраке.

– Я не вернусь! Вы не заставите меня!

Гвендолин вдруг взревела, выставила вперед руки и выпустила в гостей заряд искрящейся энергии. Глаза у Регины поползли на лоб от изумления. Голова закружилась, и Регина схватилась рукой за перила, чтобы не упасть без чувств.

Женщина, на которую был нацелен гнев Гвендолин, перехватила заряд рукой и отвела в сторону с поразительной скоростью. Затем резко дернула руку вниз, и Гвендолин упала, словно прикованная к полу. Она, признав свое бессилие, истошно завывала:

– Прошу, не надо, оставьте нас, умоляю! – запричитала она, распластавшись на полу. Волосы ее совсем растрепались и черным ковром раскинулись по паркету, скрывая испуганное лицо. Регину обуял страх. Подобное она могла видеть разве что в кино – реальность же оказалась страшнее любого фильма ужасов.

– Ты нарушила обет, данный ковену, и за это будешь сурово наказана, – произнесла центральная фигура и сбросила с головы черный капюшон. То была высокая женщина преклонных лет; лицо ее, слегка задетое морщинами, обрамляло облако седых кудрявых волос. Голос ее был глубоким, певучим, но ледяным, как и взор, который она обратила на Регину. Она ощутила силу, исходившую от ночной гостьи, и внутри нее все сжалось в комок. Это и вправду была та незнакомка с ярмарки.

– Мама, что происходит? Кто эти люди и почему они ворвались в наш дом? – дрожащим голосом воскликнула Регина. Хотелось также спросить про ту сверхъестественную чертовщину, свидетелем которой она стала, но мысли от страха разбежались в разные стороны, как тараканы. Мама не отвечала, а только горько плакала, боясь поднять лицо.

Тем временем члены зловещей троицы подняли руки и выставили ладони в сторону Гвендолин. Регина уже видела, что должно произойти вслед за этим жестом, а потому лихорадочно перебирала в уме варианты.

Оторвав наконец ноги от пола, Регина одним прыжком пролетела через нижние ступеньки лестницы, схватила длинный зонт с острым концом из корзины в углу. Она встала перед матерью и выставила зонт острым концом вперед.

– Убирайтесь сейчас же, пока я не вызвала полицию! – прокричала Регина, чувствуя, как тесно стало сердцу в грудной клетке. Подумать только, до чего безумно и глупо это, должно быть, выглядит: девушка с зонтиком против мистической троицы! Однако огнестрельного оружия в доме не водилось, кухонного ножа под рукой не было, а защищаться чем-то все же было необходимо.

С трудом понимая, что делает, Регина с воинственным воплем замахнулась на кудрявую высокую женщину, но та выбила зонт у нее из рук – он отлетел в коридор. Больше обороняться было нечем. Регина часто-часто задышала и ощутила, как на лбу выступила испарина.

Волосы незнакомок подхватил гуляющий по дому вихрь. На лицах читалась угроза, будто вот-вот произойдет неминуемое. В голове Регины мысленно велся секундный отсчет. Мамин вопль вывел ее из ступора и неожиданно для себя она закричала:

– Подождите, постойте!

Вихрь вокруг женщин затих. Регина облегченно выдохнула. Может, удастся немного потянуть время и вызвать стражей правопорядка?..

– Я сделаю все, что вы скажете, только прошу, объясните, что происходит?

Ненадолго между ними повисло молчание. Но тут глава троицы вновь заговорила:

– Твоя мать – потомственная ведьма, сбжавшая из ковена девятнадцать лет назад. Она совершила преступление против своих сестер и должна понести наказание. На протяжении многих лет Гвендолин скрывалась от нас, окружив себя сильной защитной магией. Но никакое колдовство не сумеет так долго обманывать ведьм, и вот мы здесь. Мы пришли взимать плату.

Взгляд суровой женщины впился в нее, как шип дикой розы, и причинял почти физическую боль. Регина молча выслушала гостью, но принять подобное всерьез не могла – это оказалось выше ее понимания.

Ведьмы? Ковен? Колдовство?

Всего день назад Регина причитала, что хочет в колледж, нормальную жизнь, как у всех, а сейчас смотрела на трех безумных женщин со светящимися руками и разлетающимися вокруг них искрами. Все это было похоже на дурной сон, но до безобразия реалистичный... Регина украдкой уцепилась за руку и с огорчением поняла, что бодрствует.

– По древнему обычаю ведьма, совершившая клятвopреступничество и предавшая свой ковен, должна предстать перед Трибуналом, после чего ее казнят.

Регину словно ударили под дых. Казнят? Из какого века прибыли эти дамочки?

– Прошу, не надо... – плакала мать за спиной Регины. Ведьмы синхронно вскинули руки, к чему-то готовясь. Сердце Регины в панике забилося, в ушах неприятно зашумело, а в висках молоточками застучала головная боль.

– Это что, шутка такая? – с придыханием выдавила она и стала обеспокоенно озираться по сторонам, выискивая скрытые камеры. Не может быть, чтобы все это было правдой! – Вы из какого-то шоу, да? Нам хотя бы заплатят за этот глупый розыгрыш?

Седоволосая женщина не оценила шутки и в ответ лишь качнула ладонью в ее сторону. В тот же миг гортань Регины опухла изнутри. Стало нечем дышать.

– По-твоему похоже, что я шучу? – бесстрастно ответила незнакомка, пока Регина судорожно пыталась вдохнуть. Ведьма прищелкнула пальцами – и пытка мгновенно прекратилась. Регина согнулась пополам, силясь восстановить дыхание. Нет, пожалуй, авторы глупых телевизионных розыгрышей на такое не способны. – А теперь не мешай мне исполнять долг.

Женщина угрожающе нависла над ними с матерью. Регина стремительно разогнулась.

– Пойдите! – крикнула она, оборонительно выставя вперед руки. – Я пойду вместо нее! Пусть судят меня, в счет долга матери.

Регина стояла, изумляясь собственным словам и роняя слезы на дощатый пол. Она все еще не верила в происходящее, однако рационально осмыслить ситуацию времени не было. Она действовала быстро, импульсивно.

Главная ведьма опустила руки. Две другие растерянно взглянули на нее.

– Но, Керидвена, это против правил... – шикнула на седовласую та, что стояла по правую от нее руку.

Названная Керидвеной промолчала и подошла ближе к Регине. Она смотрела ей прямо в глаза, не моргая. Она видела страх, охвативший Регину, отчаяние, с которым она выступила против них, и преданность дочери, которая боялась потерять мать.

Все это Керидвена поняла, и, возможно, сердце ее было не таким каменным, как показалось на первый взгляд, потому что она изрекла:

– Хорошо, Регина, будь по-твоему. Я не стану выдавать Гвендолин Трибуналу.

Керидвена протянула ей руку. Регина взглянула на ее ладонь: слегка сморщенная, она выдавала возраст женщины. Регина робко вложила свою руку в ее, словно скрепляя договор, но Керидвена резко дернула и швырнула Регину к своим спутницам. Ведьмы крепко-крепко обхватили ее с обеих сторон, держали, чтобы не вырывалась, пока Керидвена завершит начатое.

– Прошу, не надо, я умоляю вас! – кричала Регина, брыкаясь, но бледные руки ведьм схватили ее цепко.

Керидвена встала напротив Гвендолин. Мама подняла на ведьму лицо и посмотрела покорным взглядом. Казалось, она смирилась с исходом, который ее ожидал.

– Я не выдам тебя Верховным, Гвендолин. Ты вырастила преданную дочь, хоть мы о ней ничего и не знали все эти годы.

«Слава Богу», – облегченно подумала Регина. От сердца сразу отлегло.

Но Керидвена продолжила:

– Вместо этого я накажу тебя сто крат сильнее: наложу заклятье забвения – и ты никогда не вспомнишь, что у тебя есть такая прекрасная дочь. Дочь, что спасла тебя, предательницу, от смертной казни. Дочь, которую я заберу с собой, как дражайшую плату за твои грязные деяния.

Регина видела, как по щеке матери побежали сверкавшие в темноте капельки слез. Она взглянула на дочь обреченным взглядом, полным тоски и чувства вины, а затем посмотрела на Керидвену и еле слышно промолвила:

– Вы ее погубите. Она ее погубит.

Керидвена, игнорируя слова Гвендолин, присела напротив нее и прошептала всего два слова, острым шелестом донесшиеся до Регины:

– *Забудь навеки.*

Она провела у лица Гвендолин ладонью, и взгляд ее поблек. В одночасье с наложенным заклятием Регина ощутила, как внутри нее что-то оборвалось: навечно порвалась нить, что связывала ее с единственным родным человеком на Земле. Пронеслись мимолетно фрагменты их жизни: бесконечные переезды и новые дома со старыми, отходящими от стен обоями; шестой Регинин день рождения и вкусный вишневый торт; мамина улыбка, неумолимо угасавшая, ускользавшая в пустоту забвения. Регина почувствовала, как все воспоминания, связанные с ней, таяли в памяти матери. Для той отныне дочери не существовало.

Керидвена помогла Гвендолин встать с пола и усадила ее на нижнюю ступеньку лестницы. Регина посмотрела на мать сквозь слезы. Та сидела с потерянным видом на лестнице, будто в трансе, и глядела в пустоту. Видеть ее такой было невыносимо, боль колом вбивалась в сердце Регины. При живой матери она ощутила себя сиротой.

– А теперь нам пора идти, – изрекла Керидвена, поднявшись с колен, и вышла в открытую дверь. Плащ ее струился следом, разрезая полотно таинственного тумана. Ведьмы крепко держали Регину и подталкивали вперед, не дав даже попрощаться с матерью.

Дверь захлопнулась, и процессия двинулась к черте леса позади дома. Дорожка тумана вела прямо в темноту между рядами деревьев. Регина поняла, что, вероятно, больше сюда не вернется. Обернулась и напоследок взглянула на их дом, чтобы запомнить то, от чего она втайне мечтала отказаться, а теперь безвозвратно потеряла.

Очертания дома скрылись за черными стволами деревьев, а Регину, растерянную, одинокую и плененную ведьмами, поглотила молочная пелена.

Глава 3

Шагая в полном мраке под стеной непрекращающегося дождя, Регина мерзла и обхватывала себя руками, судорожно растирала плечи. Молчаливые конвоиры в темных бархатных балахонах, будто проводники в загробный мир, вели ее в глубь темного леса решительной поступью. Регина пыталась осмыслить происходящее и унять дрожь заледеневших конечностей.

Ей наконец стало понятно, почему они с матерью постоянно переезжали с места на место и от кого сбегали в такой спешке. Они убежали бы и в эту ночь, но, к несчастью, им не хватило времени. Если еще вчера Регина паковала бы чемоданы, глотая слезы немого протеста, то сейчас сама схватила бы мать за руку и убежала в неизвестность, забыв о собственных сомнениях. Они бежали бы без оглядки, вслепую, в никуда, но вместе, по-прежнему оберегая друг друга от невидимой угрозы.

Мысли роились в голове, перескакивали друг через друга, то и дело подменяли один вопрос десятком новых. Значит, мама вовсе не сходила с ума. Панические атаки, тремор рук, этот неподдельный ужас в ее глазах и вечное желание подорваться с места и исчезнуть – все это объяснялось ее нежеланием быть пойманной. Неизвестно, как ей вообще удавалось столько времени скрываться, но, видно, сила матери была велика. Выходит, защитные свечи и заклинания на неизвестном наречии – это не просто баловство, коим привыкла считать их Регина, а нечто большее. Могущественное. Ах, если б знать все с самого начала...

Если допустить мысль, что происходящее не было плодом воображения спятившей Регины, и мать действительно обладала магическими способностями, то почему не рассказала ей? Боялась, что Регина от нее отвернется, не поверит? Уверовать в подобное не так уж сложно после стольких лет изучения целебных свойств трав и их чудодейственного влияния на человеческую жизнь. Они с матерью всегда были не от мира сего, но Регина и предположить не смела, что совсем рядом с ними творилась настоящая магия. Она никогда не замечала за матерью склонности к жертвоприношениям или шабашам. Однако бывали дни, когда Регине казалось, что мама и правда волшебница: как-то быстро и ловко всходили у нее цветы в горшках, сами по себе порой открывались и закрывались двери, огонь на плите появлялся от одного ее взгляда, а самые потаенные мысли дочери она словно считывала по одним лишь глазам. Но как только Регина подросла и вступила в фазу скепсиса и рационализма, то списала все на богатую детскую фантазию. Или научилась этого не замечать. Ровно до момента, пока сама не столкнулась с чем-то необъяснимым, темным...

Ко всему прочему, Гвендолин оказалась не просто ведьмой, а ведьмой, нарушившей некий закон. Но какой? Что натворила ее мать, женщина, которая, кажется, и мухи не обидит? Или видимость обманчива?

Холод пробирал до самых костей, а дождь все не унимался. Ведьмы завели Регину уже достаточно глубоко в лес. Вся одежда ее вымокла до нитки, с волос текло ручьями, но никто не предложил ей своего бархатного одеяния. На секунду Регине подумалось, что странные женщины ведут ее в темноту неспроста. Внутри распустил свои липкие щупальца первобытный страх. Регина самозабвенно отдала себя в их руки, но что они собирались делать с ней?

Так как за запястья ее уже никто не держал, она сосчитала до десяти для смелости и резко рванула в сторону, в надежде сбежать и укрыться в ночном лесу до зари. Но не тут-то было: в спину Регине прилетел магический удар и моментально ее обездвигил. С ревом разочарования она рухнула лицом в мокрый древесный перегной.

Она слышала, как властной поступью к ней подошла главная ведьма. Регина повернула голову в сторону и посмотрела на Керидвену, вкладывая в свой взгляд максимум неприязни.

– Я понимаю твой страх, Регина, – спокойным тоном проговорила ведьма, будто пленные сбежали от нее каждый день. – Тебе пока трудно осознать ту реальность, с которой ты сегодня столкнулась. Но не пытайся сбежать. Твое добровольное согласие уйти с нами обесценивается с каждой попыткой побега, а значит, наш уговор ничего не будет стоить. Мне придется отдать Гвендолин Трибуналу, от которого не следует ожидать помилования, поверь мне на слово.

Регина сжала зубы и насилу сдержала желание наброситься на ведьму. Седовласая Керидвена протянула руку, предлагая помощь, но Регина решительно ее отвергла, поднимаясь с земли самостоятельно.

Процессия продолжила свой путь по сырой чаще. Казалось, деревьям не было конца, так долго брели они в ночной темноте.

– Сколько нам еще идти? – буркнула Регина, стуча зубами.

– Мы почти пришли, – ответила Керидвена.

Она шла впереди и вела их сквозь густую темень. Регина не понимала, как та что-то видит в черном, густо заросшем лесу, и куда их ведет, но, должно быть, зрение у ведьмы было, как у кошки.

Керидвена продолжила:

– Наш ковен издавна обосновался в Ирландии, в старом замке Кайллек-Хилл. Там мы обучаем юных ведьм колдовскому мастерству, чтобы они продолжили дело своих предшественниц и держали природный баланс в гармонии. Ты много лет провела среди людей и совсем не знакома с колдовской культурой, поэтому придется многое наверстать, чтобы ты сумела пригодиться ковену.

Регина попыталась примерить на себя слова ведьмы, но тщетно. Колдовскому мастерству?

– Не думаю, что унаследовала мамины способности. Никогда не замечала за собой каких-то... колдовских сил.

Однако в противовес своим же словам Регина с ужасом вспомнила задыхающегося Михаэля и невидимые руки, что душили его.

Керидвена усмехнулась, как если бы мысли Регины стали ей слышны.

– В тебе – кровь ведьминога рода, а значит, в крови твоей таится сила. Все придет в свое время, – уверенно изрекла ведьма. – Хотя бывает, что сила дает о себе знать до Посвящения. Возможно, ты замечала что-то странное, необычное, чему не могла найти объяснения?

Регина все еще держала перед глазами страшную картинку, свою маленькую тайну, однако упорно не хотела рассказывать об этом малознакомым людям. Она помотала головой и коротко ответила:

– Нет, ничего необычного.

Несколько минут они продирались сквозь колючие кусты терновника. Колючки больно царапали Регину по голым рукам, оставляя тонкие кровотокающие бороздки, как напоминание о ее странном ночном путешествии. Обе их спутницы всю дорогу хранили молчание и шли позади, охраняя Регину, на случай если она вдруг снова надумает сбежать.

Регина поняла, что не может больше истязать себя сложными вопросами и уж тем более не сумеет на них ответить, а потому набрала в рот воздуха и прямо спросила Керидвену:

– Что сделала мама? За что ее хотели наказать?

Хоть ведьма и не замедлила шага, Регина кожей почувствовала ее смятение и нерешительность. Та что-то скрывала и явно не собиралась выдавать всей правды сразу. Какое-то время Керидвена молчала, а когда заговорила, голос ее стал полон печали:

– Это... Все очень сложно. Гвендолин была одаренной ведьмой. И она бы непременно заняла бы место среди старейшин ковена со временем, если бы... Если бы не нарушила клятву и не предала своих сестер. Прости, большего я сказать не могу.

Регина надеялась, что вопросов у нее станет меньше, но те лишь плодились в геометрической прогрессии, и мозг едва не лопался от их количества. Что такого страшного могла совершить Гвендолин, чтобы заслужить смертную казнь? Могла ли она... кого-то убить? Однако этот вопрос Регина задать не осмелилась – так он пугал ее саму, – и тот молчаливо повис в воздухе. Но был и еще один, не менее волнующий.

– Мама упомянула кого-то, перед тем, как... Она сказала, «она погубит меня». Мама говорила о вас?

Керидвена усмехнулась, не поворачивая головы к ней, но в усмешке ее не слышалось веселья.

– Если кто и способен кого погубить, то только ведьма, алчущая власти, которая и погубит самое себя.

– Керидвена! – внезапно вмешалась одна из сопровождавших Регину ведьм. В голосе ее проскочила обвинительная нотка и вынудила седовласую замолчать.

Слова Керидвены почти ничего не дали Регине, ведь ее мать была совершенно не похожа на человека, жаждущего господства. Память Регины наполнилась множеством счастливых моментов из раннего детства. Перед глазами то и дело вставали эпизоды, как они едут в новый неизвестный городок в поисках новой жизни, где все предстоит начать с чистого листа; как они вдвоем копошатся в саду, споря, что лучше высадить к следующему сезону – ноготки или гиацинты; как на десятый день рождения Регины мама варит целый вагон свечей и расставляет их по всей комнате; как дарит ей новенький томик «Кельтских сумерек», с тех пор зачитанный до дыр. Их жизнь ничем не отличалась от любой другой в том простом, неидеальном мире среди таких же неидеальных людей, и могла быть на порядок лучше, если бы не приходилось постоянно убегать. Мать постаралась дать Регине максимум для нормальной жизни, которая ей самой была чужда, теперь Регина это знала. И ни разу, ни разу не замечала она за матерью неумных амбиций.

На глаза навернулись слезы и противно жгли веки изнутри. Регину не покидало ощущение, что мать оклеветали, оболгали и обесчестили, но как доказать такое, когда сам ничего наверняка не знаешь?

– Что теперь будет с мамой? – спросила она, вытирая дорожки слез ледяными пальцами. Керидвена обернулась к Регине, на секунду задержала на ней взгляд: в темноте было не разобрать, но ей почудилось промелькнувшее в глазах ведьмы сочувствие.

– На ней сильное заклятие забвения. Она теперь о тебе и не вспомнит.

Сердце пропустило удар и разбилось вдребезги, а надежда уступила опустошению и ненависти. Керидвена отсекла от Регины самое дорогое, а такое простить невозможно.

Тем временем вчетвером они вышли на небольшую полянку. Дождь почти затих, и Регина сумела рассмотреть посреди поляны прозрачную завесу, мелкой рябью колыхавшуюся в пространстве. Непонятная субстанция парила над землей, и в ней, как в зеркале, Регина видела свое подрагивающее отражение.

Керидвена резко повела руками: две их спутницы, одна за другой, спокойно шагнули прямо в зеркало и... пропали. Регина осталась наедине с седовласой ведьмой и растерянно уставилась на нее.

– Что это такое?

– Не бойся, это всего-навсего портал, дверь, что приведет нас к замку, в твой новый дом, – объяснила Керидвена и успокаивающе дотронулась до мокрого плеча Регины. Регине захотелось сбросить ладонь, но та оказалась соблазнительно теплой. – Просто сделай шаг – и он унесет тебя куда нужно.

«Это все не взавраду», – испуганно думала Регина, подходя к portalу ближе. Она стояла в полуметре от завесы и видела, как светятся в отражении белки ее глаз. Робко она протянула вперед правую руку и с удивлением увидела, как та пропала за поверхностью зеркала, в другом пространстве. На всякий случай набрав полные легкие воздуха, Регина шагнула в портал.

Он поглотил девушку и унес в края, где ее ждала неизвестность.

Глава 4

Выйдя из прозрачной завесы, Регина тут же рухнула на траву. Ее слегка подташнивало, внутри все скручивалось в узел, а ноги сводило судорогами. Делая вдох за вдохом, она привела себя в чувство и осмотрелась: ее по-прежнему окружал лес, но такой насыщенный, изумрудный, словно из волшебных сказаний. Дождь больше не хлестал по лицу, хоть небо и было затянуто хмурыми тучами. В кустах терновника оживленно перекликались птицы. Деревья стали более различимы в темноте, предвосхищая скорый рассвет.

Одна из ее молчаливых спутниц сбросила с головы капюшон: лицо ее было строгим, невозмутимым, светлые локоны собраны сзади заколкой, они открывали тонкую шею. Вторая ведьма-спутница, чьи темные волосы были заплетены в толстую косу, протянула Регине руку, и та, схватившись за нее, поднялась с земли. Тут из портала вышла Керидвена и жестом указала идти за ней. Регина нехотя двинулась следом по едва заметной тропе, две другие ведьмы замыкали процессию позади, все еще недоверчиво посматривая на беглянку.

Как это возможно? Только что Регина была в одном месте, а шагнув в волшебную завесу, вышла совсем в другом? Хотя едва ли этому стоило удивляться после пугающей разборки в доме, где ведьмы метали молнии и отбрасывали в сторону вещи, не касаясь их даже пальцем. Магия, о которой говорила Керидвена, стала вдруг совсем реальной, почти осязаемой. Регина ощущала присутствие чего-то неестественного, потустороннего вокруг – в деревьях, траве, воздухе. Всюду витало нечто, несущее огромную энергию, и Регина соприкасалась с ней, чувствовала, как тело насыщалось ею. Она не знала, как реагировать на новые ощущения: довериться им или опасаться?

Тем временем они вышли из чащи. Перед взором Регины предстал вдалеке пологий холм, на вершине которого располагался полуразрушенный замок, древний и ветхий, с обрушившейся крышей и потрепанным фасадом. Над руинами кружило воронье.

Регине подумалось, что замок совсем не похож на обитаемый, но ведьмы уверенно вели ее на вершину холма. Сверху открывался невероятной красоты вид на низину: густой лес, стеной ограждавший замок, а за ним – вересковые пустоши, укутанные утренним туманом.

Вскоре они остановились у каменных ворот с высокими железными шпильями-стрелами, устремленными в небо. Вблизи замок выглядел совсем обветшалым и дряхлым: в стенах его зияли дыры, как после бомбежки; лестница, ведущая к центральному входу, осыпалась; высокая башня, казалось, вот-вот рухнет вниз.

– Это что, шутка? – непонимающе взглянула Регина на своих проводниц. – Он ведь разрушен, как здесь может кто-то жить?

– Так ли уж он разрушен, как тебе видится? – спокойно спросила Керидвена, после чего взяла ее за руку. Вместе они сделали шаг за ворота, и тут же картинка перед Региной начала стремительно меняться: дыры в стенах заполнились недостающими камнями, выбитые витражные стекла снова засверкали в оконных проемах, словно из земли выросла новенькая каменная лестница. Прямо на глазах замок обретал черты обжитого, целостного здания. В некоторых окнах горел теплый свет, а по фасаду тянулся вверх кудрявый плющ, обвивая эркеры. Из груди Регины вырвался вздох восхищения. Магия, до этого ей неведомая, могла быть не только разрушающей, но и созидающей.

– На замок наложены чары обманчивости, – объяснила Керидвена. – Простой человек видит лишь то, что мы хотим ему показать, то есть – необитаемые руины некогда величественного замка. Ведьмины чары способны одурманить кого угодно и как угодно, если уметь правильно их применять. Однако уже много лет никто из людей не заходит в наши владения.

– Почему?

– Леса в округе приобрели у людей дурную славу: в них человеку неуютно и жутко. Многим не посчастливилось повстречаться с тварями, обитающими издревле в этих землях. Коренные жители местных окраин рассказывают друг другу страшные легенды и не осмеливаются забредать в густую чащу, охраняемую недружелюбными фейри: уж кто-кто, а они своего не упустят. Много людей сгинуло по их прихоти в этих зарослях. Для нас, ведьм, этот лес – место силы, но даже нам в него заходить позволено только в исключительных случаях, в иное же время находиться там небезопасно, – ответила Керидвена, и по щелчку ее пальца парадная дверь замка распахнулась перед ними.

Как только Регина с сопровождающими вошла внутрь, Керидвена взмахнула ладонью: свечи в настенных канделябрах по обе стороны от них озарились ярким свечением пламени и окрасили помещение в красновато-оранжевые тона. Регина ощутила, как по телу разлилось благодатное тепло, а кровь шустро побежала по венам. Перед ней предстала большая зала с изящными каменными сводами потолка. Вниз свешивалась большая люстра с серебристыми подвесками из хрусталя. Регина обернулась: над входной массивной дверью арочного типа висел гобелен с изображением замкового герба – полумесяц, увитый вязью из гибких стеблей и бутонов на кельтский манер. Впереди располагалась широкая лестница, покрытая бордовым ковром с цветочным орнаментом, а на ступеньках стояла высокая молодая женщина, явно поджидая гостей.

– Керидвена, с возвращением! – пропела она бархатным голосом, текучим, словно расплавленный мед. – Добрый вечер, Ровена, Идальга.

Женщина почтительно склонила голову, а подняв, остановила взгляд на Регине. Подтянутое лицо приятного персикового оттенка очерчивали точеные скулы. Длинные каштановые волосы волнами струились по плечам, блистая даже в приглушенном свете свечей. Пухлые алые губы растянулись в приветственной улыбке. Казалось, более красивой женщины Регина прежде не встречала – настолько она была очарована.

– Мы ожидали совсем другую гостью, но и тебя я рада видеть здесь, – поприветствовала ее незнакомка. – Ты, должно быть, дочь Гвендолин?

– Да, я Регина, – робко представилась она, прикидывая, стоит ли поклониться. Или, может, пожать ей руку? Какие порядки здесь в ходу?

– Ты на нее похожа, – протянула женщина задумчиво, спустилась по лестнице и встала прямо перед Региной. Карие глаза ее смотрели внимательно и добро. – Я Эдана Абердин, рада знакомству.

Эдана приобняла Регину за плечи, заботливо, как если бы они состояли в близком родстве. Ее теплое прикосновение волшебным образом развеяло внутреннюю ненависть к ведьмам и уничтожило опасения. Вместо страха внутри растеклось приятное чувство единения и спокойствия, словно ничего не изменилось и вокруг не холодный камень замка, а родные домаш-

ние стены. Если по дороге сюда Регина успела изрядно себя запугать, то сейчас ведьмы не казались такими уж опасными. Однако вспомнив, как Керидвена подвергла ее мать забвению, она тут же отбросила оптимистичные надежды. Навейное чарами ведьмы тепло испарилось.

– Ты, наверное, сильно замерзла? – спросила Эдана учтиво и посмотрела на Керидвену.

Та что-то шепнула на ухо своим спутницам, а затем отдала поручение:

– Эдана, будь добра, проводи нашу гостью в свободную комнату. Теперь она будет обучаться мастерству, чтобы нагнать своих сверстниц. А сейчас Регине нужно отдохнуть – путь был не близким.

– Разумеется, – кивнула Эдана и, легонько ухватив Регину за локоть, повела вверх по лестнице. – Я покажу, где ты будешь теперь жить.

Они поднялись на второй этаж и свернули налево. Никогда прежде Регина не бывала в настоящем замке. Шагая по узкому коридору, она осматривалась: на стенах кое-где висели пейзажи незнакомых ей художников; на маленьких пристенных столиках стояли вазы с сухоцветами – букеты из засушенных роз и вероники источали едва уловимый аромат; мягкий ковер цвета выдержанного вина приглушал их шаги.

– Наверняка мать обучала тебя основам, но, боюсь, этого будет недостаточно, чтобы раскрыть весь твой потенциал, – сообщила Эдана. – Совсем скоро ты догонишь сестер ковена, но, думаю, первое время наставлять тебя будет одна из наших лучших воспитанниц, чтобы ты успела наверстать упущенные знания.

«Моя мать не обучала меня ничему, и лучше бы все так и оставалось», – подумала Регина и согласно кивнула.

– Как только ты освоишь базовые вещи, мы проведем ритуал пробуждения сил.

– Пробуждения сил? – растерянно переспросила Регина.

– Не забивай этим голову пока, – успокоила ее Эдана и небрежно махнула рукой. – Сейчас тебе нужно поспать и обвыкнуться на новом месте, а это будет нелегко.

Эдана остановилась у резной деревянной двери почти в самом конце коридора.

– Вот твоя комната. Кэссиди МакКена будет твоей соседкой и наставницей, она научит тебя всему, что сейчас необходимо знать. К слову, не советую портить с ней отношения, у нее довольно непростой характер, – Эдана предупреждающе погрозила пальцем. – Хотя, думаю, вы отлично поладите. Когда живешь бок о бок много времени, не остается другого выбора, если не хочешь, чтобы из твоего арсенала начали пропадать расчески, духи, платья и симпатичные юнoshi.

Эдана ехидно улыбнулась и распрощалась с Региной. Регина посмотрела вслед грациозно удаляющейся фигуре ведьмы, вздохнула и негромко постучала в дверь. Услышав «войдите», она легонько толкнула дверь и вошла.

Комната была выполнена в приглушенных оттенках красного и местами обита бархатом. Отделка была простой, но сохранила старинный дух. Над двумя постелями, расположенными в разных концах комнаты, нависли кисейные полупрозрачные пологи. Два островерхих окна в готическом стиле были наполовину прикрыты длинными бордовыми портьерами. Через разноцветное стекло просачивались ранние утренние лучи, а у окна, на круглом антикварном столике с узорными ножками, стояла золотистая клетка. Внутри, переминаясь с одной лапки на другую, сидел на жердочке небольшой ворон. Он внимательно осмотрел гостью и принялся чистить клювом черные перышки.

Взгляд Регины остановился на ярко-рыжей девушке, сидящей в одной полупрозрачной белой сорочке у трюмо. Она смотрела в большое овальное зеркало и расчесывала длинные кудрявые волосы, спутанные после сна, и будто не замечала новой соседки. Регина громко откашлялась, обозначив свое присутствие. Только теперь рыжая обратила на нее внимание и повернула голову.

– Ну, привет, «Ведьма из Блэр»³, – выдала она спустя мгновение и насмешливо ухмыльнулась. – С прибытием в Кайллек-Хилл. Ну, не стой в дверях, располагайся. Я не кусаюсь, во всяком случае, не в первую встречу.

Кэссиди продолжила терзать свои роскошные волосы, а Регина прошла к кровати, которая отныне числилась за ней. Ей было не по себе от отсутствия личных вещей: ни тебе мобильного, ни компьютера, ни даже крохотного радиоприемника для связи с внешним миром. На прикроватном столике она обнаружила лишь парочку кремов с неизвестным составом, предметы ухода в виде гребешка и маленьких ножниц, а в двустворчатом шкафу у стены нашла несколько комплектов повседневной и праздничной одежды. Пошита она была по странной старой моде и была немного непривычна глазу. Регина провела рукой по платьям, пощупала ткань: льняной материал приятно отзывался в пальцах и будто нашептывал воспоминания о прошлом. У мамы было похожее платье, подумалось ей, и от этой мысли вдруг накатила обжигающая горло грусть. Воспоминания о непростой ночи навалились на Регину и придавили своим грузом.

Регина устало села на постель.

Кэссиди наконец закончила с расчесыванием и резко развернулась к ней.

– Ну, что расскажешь, новенькая? – спросила она, заплетая косу. – Небось, голова идет кругом?

– В точку, – буркнула Регина, ковыряя под ногтем. Обсуждать произошедшее ей совсем не хотелось.

– Ничего, привыкнешь, – заверила Кэссиди. – Поначалу новеньким все тут кажется странным, аскетичным и далеким от цивилизации. Но со временем придется это принять как неизбежность. И стать частью ковена.

Хоть Кэссиди и сказала это уверенно, ее насмешливый взгляд говорил девушке обратное.

– И что даст мне ваш ковен? – сухо спросила Регина. – Ну, кроме разве что сил.

– Разве что сил... – передразнила Кэссиди и раздраженно цокнула языком. – Да ты же не понимаешь еще, что это такое! Но скоро ты осознаешь, почувствуешь. – Из ее уст это прозвучало почти угрозой. – Ковен подарит защиту и новую жизнь, которая простым людям и не снилась. Керидвена чуть позже сама тебе расскажет.

Да уж, такого Регина действительно ни разу не видела: старинный замок, ведьмы в одеяниях ушедшей эпохи... При всей своей щедрой фантазии она не могла и подумать, что однажды столкнется с настоящим колдовством. Никогда не знаешь, что принесет новый день.

– Мне не нужна была новая жизнь, – хмуро заявила Регина. – Я была довольна и прежней.

– Пфф, и чего в ней было такого особенного? – усмехнулась Кэссиди. – Шатания по торговым центрам, сопливые свидания с прыщавыми мальчишками и, Великий дух, скучные до безобразия лекции в колледже? – Кэссиди скептически фыркнула.

Регина вспомнила свой прежний быт: вечные переезды, новые лица, отсутствие постоянного крова... Завести друга в школе и за ее пределами было задачей высокого уровня сложности, ведь они с Гвендолин, по обыкновению, уезжали куда-то раньше, чем кто-то успевал выказать Регине интерес. И с матерью они жили далеко не в роскоши, временами переживая финансовый кризис из-за плохих продаж в лавке. Кэссиди была отчасти права. Мать, будучи в непрерывных бегах, в итоге не дала пожить свободной человеческой жизнью ни себе, ни дочери.

– Ты просто колдовской жизни еще не вкусила. Но все впереди, – сказала Кэссиди и принялась надевать на себя платье с голубой юбкой и белым хлопковым воротником.

³ Имеется в виду кинофильм 1999 года «Ведьма из Блэр: курсовая с того света», снятый режиссерами Дэниэлом Мириком и Эдуардо Санчесом.

Регина ощутила невероятную усталость и зевнула, едва не ломая челюсть. Даже пребывая в шоке, она не могла отказаться от потребности в сне. Регина скинула грязные кроссовки, отыскала мягкую молочно-белую сорочку в шкафу, переделась и забралась под пуховое толстое одеяло. Чужая неудобная постель обдала ее пронизывающим холодом. В этот момент Кэссиди пробормотала какое-то незнакомое слово на непонятном наречии, и штора на окне задвинулась, скрывая утренний свет.

– Добрых снов, «Ведьма из Блэр», – шутливо попрощалась Кэссиди, вышла из комнаты и отправилась по своим делам.

Для человека, живущего в замкнутом сообществе, вдали от цивилизации, соседка уж больно хорошо разобралась в массовой культуре. Это показалось Регине странным и сильно контрастировало с новым окружением, но мысли так путались, что долго размышлять об этом не было сил. Она пообещала себе, что попытается все здраво осмыслить завтра, ведь по известной истине, «час утра стоит двух часов вечера». Регина повернулась на бок, натянула одеяло до подбородка, сжалась в комок и попыталась унять дрожь. Вскоре по оконному стеклу вновь забарабанил дождь: Регина и не заметила, как под мерный монотонный стук провалилась в желанный сон.

Глава 5

Регина сидела в кабинете Керидвены, в самой высокой башне замка Кайллек-Хилл. Перед ней в большом кресле восседала глава ковена, барабаня пальцем по широкому дубовому столу. Комната была залита ярким солнечным светом, пробивавшимся сквозь пасмурное небо. Стоял полдень, и Регина изо всех сил сдерживала приступ зевоты, жалея, что не сумела как следует выспаться. Казалось, прошло не более часа с момента, как она прикрыла веки, а в комнату уже ворвалась вихрем рыжая соседка и повела ее на встречу с Керидвеной.

Перед Региной стояла дымящаяся чашка травяного настоя, в аромате которого она уловила нотки ромашки и чабреца. Ей хотелось смочить горло, но пальцы упрямо сцепились в замок и побаивались к чему-либо притрагиваться.

– Итак, давай познакомимся как положено, – сказала наконец Керидвена. Лицо ее излучало спокойствие, глаза глядели по-доброму, но Регину ей было не обмануть – слишком свежи воспоминания о разлуке с матерью. – Я Керидвена О’Каллахан, глава ирландского ковена ведьм. Место, где ты находишься, – наше убежище, община, оплот множества ведьм, что обрели здесь дом и нашли свое предназначение. Теперь ты одна из нас.

Регина все-таки решилась и протянула руку к настою – жажда была слишком сильна. Пальцы почувствовали приятное тепло, обняв фарфоровую чашку.

– Ну, меня вы уже знаете, – сухо ответила Регина и сделала глоток. Терпкая жидкость согрела ее внутренности и оставила на кончике языка знакомый с детства привкус.

Керидвена кивнула и продолжила:

– Гвендолин провела с нами много лет и многому успела научиться. Тебе предстоит постичь то же мастерство. Если будешь внимать законам ковена, станешь могущественной ведьмой.

Стать ведьмой для Регины было равносильно полету в космос без скафандра – казалось таким же невозможным. Безумным фантазиям она предпочла молча слушать главу ковена и цедить успокаивающий настой.

– Понимаю, суть ведьмовства пока не ясна тебе и видится чуждой, – рассудительно изрекла Керидвена. – Ты росла среди обычных людей и знаешь, что человеческая культура возвела фигуру ведьмы до статуса прислужницы Сатаны; наделила ее злыми помыслами, сваливая тем самым собственные грехи и беды на чужие плечи. Но в действительности образ ведьмы сильно отличается: мы не совокупаемся с Дьяволом, не приносим в жертву детей и других живых существ. Мы живем в гармонии с природой, духами и тем, что даровала нам жизнь.

Наш колдовской мир имеет дуальный характер, поэтому главная задача ведьм издревле заключалась в соблюдении баланса между Светом и Тьмой. Между ними ведьма лишь посредник.

Сказанное главой ковена звучало вполне разумно и почти безобидно. Если все так, за что же наказали ее мать?

– Почему тогда мама не хотела, чтобы я пошла с вами?

Керидвена ответила не сразу. Она поднялась из-за стола и встала у окна с витражом, глядя в его цветные узоры.

– Как я уже говорила, твоя мать совершила ошибку, – тихо сказала она. – Многим для счастья и гармонии достаточно тех благ, что он имеет, другим же необходимо счастье иного сорта. Но все оказалось совсем не таким, как ей мечталось... Однако пусть ты и ее крови, вовсе не обязательно идти по материнским стопам. Все в твоих руках, Регина. В нашем мире тебя может ждать гораздо большее, но откроется оно не сразу.

Как Регина может идти по стопам матери, если даже не знает, в чем та провинилась? Регину раздражало упрямое нежелание Керидвены дойти до сути и рассказать ей всю правду о Гвендолин. Она уже понимала, что истину будет собирать по крупицам.

– Что, если я откажусь? – дерзко спросила Регина. – Не захочу стать частью ковена?

На этих словах Керидвена серьезно посмотрела на нее, и Регине стало не по себе. Она отставила наполовину опустошенную чашку и ждала ответа ведьмы.

– Ты уже дала нам свое согласие, – отчеканила Керидвена, сверкнув глазами. – Ты отдала себя ковену взамен матери и впредь будь добра исполнять его волю. Ты можешь выбирать лишь степень своего величия: познать могущество и взрастить в себе колдовскую силу или быть в скромном услужении ковена, принося малую пользу. Кроме того, не забывай о матери – ее благополучие зависит от твоей покладистости. Я и так сильно рискую, оставив Трибунал в неведении о местонахождении Гвендолин. Вы обе должны быть благодарны мне, что я пощадила ее.

Плечи Регины понуро сникли. Она прямо-таки услышала, как звякнули и защелкнулись на ее руках невидимые кандалы. И разве могла она испытывать благодарность, если особого выбора у нее в тот момент не было? Какая любящая дочь поведет свою мать на плаху?

– Жаль, что приходится прибегать к таким угрозам, мне самой это неприятно. Но у меня нет иного выхода, по крайней мере, до тех пор, пока ты не прочувствуешь свою принадлежность к колдовской культуре и не осознаешь себя частью общего целого.

Регина слабо верила в искренность слов ведьмы. Когда та пригрозила ей смертью матери, в глазах ее не читалось ни толики сожаления. Керидвена выждала пару минут, дав возможность Регине свыкнуться со своим положением, и продолжила рассказ:

– Наверное, стоит прояснить, как у нас все устроено. Давным-давно люди и магически одаренные подписали договор, что обязал ведьм и колдунов не использовать свою силу во вред обычному человеку. Колдовской круг создал Трибунал – триумвират Верховных ведьм, которые, точно всевидящее око, следят за своими братьями и сестрами и наказывают тех, кто сей договор нарушает. За осквернение трибунальных догм и очерненное имя Верховных следует наказание, и нередко оно заканчивается казнью. Взамен, после кровавых времен Инквизиции, люди обязались не преследовать ведьм. Да и зачем, если мы научились контролировать себя сами, верно?

Чтобы темных умыслов у нас не возникало, Верховные поручили поделить всех на ковен и кланы, где бы самым неопытным и неискушенным можно было обучиться мастерству и следовать правилам колдовского кодекса. Мудрые наставники направляют еще неокрепшие умы в нужное русло, начинают голодные головы полезными знаниями. Однако гарантий, что соблазны большого мира и его жестокость не толкнут ученика на преступления, дать нельзя. Но мы стараемся изо всех сил не допустить подобного.

В столь закрытые общества попадают далеко не все. Тебе повезло, Регина, что ты, пусть и случайно, вступила в общину и получила возможность проявить себя.

От обилия информации закружилась голова.

– Сколько лет ведьмы обучаются в ковенах?

– Попадая в ковен, ведьма обучается столько лет, сколько ее наставники посчитают нужным. В конце обучения каждая ведьма и каждый колдун отправляются к Верховным Ведьмам и проходят испытание на чистоту помыслов. Если испытание пройдено, то испытуемый имеет право отправиться во внешний мир или же остаться в своем клане и служить на его благо.

– А если ведьма не пройдет тест, что тогда? – спросила Регина, затаив дыхание.

Керидвена смолкла и окатила ее ледяным взглядом.

– Только Трибунал решит судьбу того, кто душой и сердцем не чист.

Регина невольно ощутила на шее липкие щупальца из своего кошмара и крепко придумалась, так ли она чиста внутри, как ей хочется думать.

– Жизнь ковена подчинена жестким правилам, – продолжила старейшина. – Согласно первому правилу, вступая в ковен, ты отказываешься от жизни среди людей. Попав сюда, ты более не должна ступать на человеческую землю и иметь контакты с людьми.

Это что за новости? У Регины вырвался возглас возмущения:

– Но что плохого в цивилизации? Поход в кино или «Старбакс» навредит вселенскому балансу?

Керидвена снова уселась за стол, замком сцепила пальцы и пояснила:

– Ты пока не способна этого понять, Регина, но это нормально. Тебе придется привыкнуть, что мы – другие и нам не место среди остальных людей. Мы существуем там, где концентрация силы очень высока, где природа не осквернена человеком и где можем спокойно заниматься колдовством, никем не порицаемые. Все мы помним темные кровавые времена, когда гонения ведьм были обычным делом и приносили с собой немало смертей. Помимо того, чтобы научиться понимать природу, слышать ее и чувствовать ее нужды, ведьма вынуждена отказаться от остального мирского шума – он лишь мешает. Чтобы соблазна не возникало, Трибунал приказал ограничивать наших воспитанниц от внешнего мира, но никто здесь на это не жалуется, уверяю. Ну, почти никто.

Бровь Керидвены раздраженно дернулась, а губы сжались в тонкую презрительную линию. Интересно, кого она имела в виду?

– Значит... Значит, я больше никогда не выйду к людям? – обреченно спросила Регина. – Даже в магазин или выпить кофе?

Керидвена покачала головой.

– Нам это и не требуется – ковен существует автономно: у нас есть одежда, еда, свое хозяйство и даже развлечения, и все это мы производим сами. Не думай, что в свободное от обучения время ты будешь сидеть без дела.

«Это становится похожим на каторгу», – подумалось Регине. Каждое слово ведьмы глубже вгоняло ее в уныние.

– Все эти правила мы унаследовали от наших предков и следуем им не одно столетие, – пояснила Керидвена, жестом руки пытаясь успокоить огорченную Регину. – Понимаю, это кажется тебе диким после стольких лет, прожитых в развитом цивилизованном мире. Но в нем нет волшебства. И чтобы ты лучше поняла мои слова, я хочу, чтобы мы немного прогулялись.

Тут Керидвена встала и поманила Регину за собой. Та растерянно поднялась и неохотно последовала за ведьмой. Вдвоем они спустились по узкой винтовой лестнице в холл, вышли из замка с противоположной стороны, где перед ними простерся огромный зеленый лес, так далеко, насколько хватало глаз. По узкой тропинке через зеленый луг Керидвена вела Регину вперед, в самую чащу. Регина испуганно озиралась, вспоминая недавние рассказы главы ковена о лесных тварях и злобных фейри.

– А разве нам не опасно тут находиться? – выдавила она, боязливо ступая по земле.

– Со мной тебе ничего не грозит, – обнадежила Керидвена, раздвигая перед собой длинные ветви, заботливо, осторожно, боясь повредить или сломать тонкие сплетения. Когда они зашли достаточно глубоко, ведьма остановилась и спросила: – Закрой глаза и скажи: что ты чувствуешь здесь?

Регина не понимала, чего именно ведьма от нее хочет, но послушно зажмурилась, отводя все свербящие голову мысли и чувства на задний план. Поначалу до слуха Регины доносилась лишь голосистая переключка птиц, шум ветра в листве да треск древесной коры. И только полностью расслабившись, Регина уловила какие-то тонкие вибрации – то лес вдруг заговорил с ней на особом, доселе неведомом языке. Внутри проникала неосязаемая энергия. Она наполняла каждую частичку ее тела, обволакивала сознание и словно дурманила чарами призрачных фей, как в детских сказках, что читала ей на ночь мать. Волосы Регины колыхались на волнах прохладного ветра, а между пальцами потрескивало электричество. Тело напиталось природной силой и стало чувствительно ко всему, что происходило вокруг: она слышала, как вдалеке бежал молодой олень; как высоко в кронах деревьев вили свое гнездо малиновки; как росла под ногами трава, пробивая дорогу к свету. Лес этот был волшебным, как в старых кельтских преданиях, и Регина не удивилась бы, встретив маленький народец, шныряющий среди камней. Она вдохнула полной грудью и распахнула глаза.

– Знаю, ты почувствовала, – кивнула Керидвена и улыбнулась ей. – Сила, что пока дремлет в тебе, откликается на зов чаши.

Регина даже не нашла слов, чтобы описать свои ощущения – так они были необычны и волнующи. На минуту они затмили горечь обиды и разочарования, а на душе хотя бы ненадолго просветлело.

– Великий дух живет во всем. – Керидвена обвела рукой лес. – В древних камнях, что видели еще королей; в шумящих ледяных водах; в деревьях, что перешептываются, когда мы не видим. Он живет и в пении птиц на заре, и в стрекоте цикад в сумерках. И мы обязаны чтить его, оберегать, как самое ценное, что было принесено нам в дар. Это второе правило.

Регина никогда не задумывалась о значении природы, но отлично помнила, как трепетно к ней относилась мать, с любовью взращивая цветы в саду, собирая осенью урожай, молясь духу Кернунносу⁴ перед сном, как божеству, в существование которого действительно верила.

– Помни, – продолжила Керидвена, подходя ближе к Регине. – Ведьма может делать, что пожелает, но каждый ее поступок подчинен третьему правилу: не навреди. Все то плохое, что может совершить ведьма, после обязательно вернется ей тройкратно.

Регина согласно кивнула, принимая переданные ей заветы. Но один вопрос, давно беспокоивший ее, против воли вырвался наружу:

– Именно это правило нарушила моя мать?

На мгновение Керидвена смолкла, а потом отвела взгляд. Регина почувствовала, что своим вопросом расстроила ее, и поняла, что ответа снова не получит.

– Нам пора возвращаться в замок, – коротко изрекла глава ковена и, откинув ладонью копну кудрявых волос за спину, направилась прочь из леса.

Регина угрюмо посмотрела ей вслед и пошла за ведьмой, хотя покидать волшебный лес теперь не хотелось. Тайна прошлого матери не давала покоя.

Что же так упрямо скрывала Керидвена?

⁴ Кернуннос (*гал-лат.* Carnunnos) – древнее кельтское божество, также именуемое как «Рогатый Бог». Является объектом поклонения в ведьмовской культуре викка и в наши дни.

Как бы симпатично ни обрисовала старейшина новую жизнь Регины, непривычная обстановка давила на нее своей серой холодностью. Все в ней сжималось в комок при одной только мысли о доме, теплой постели и улыбке матери. Раздражение, возникшее после разговора с Керидвеной, сверлило Регину изнутри. Не хотят рассказывать о Гвендолин? Отлично, тогда придется выразить свой протест и заставить их силой.

С самого возвращения в комнату Регина отказывалась выходить куда-то кроме уборной, еды не принимала. Каждое последующее утро, когда она оставалась бревном лежать в постели, Кэссиди учтиво приносила ей поднос с завтраком, но всякий раз Регина оставляла еду стыть на столе. Не сказать, что это было легко: желудок сворачивался в трубочку и издавал пугающие звуки, буквально кричал об изнуряющем чувстве голода, но Регина изо всех сил старалась ему не вникать.

– Ну, хотя бы воды попей, не дури, – шипела на нее соседка, оставляя стакан с водой на прикроватной тумбочке, и лишь по ночам Регина украдкой осушала его.

Так продолжалось три дня. Регина боялась посмотреть на себя в зеркало, да и сил к нему подойти не было – настолько она извела себя голодовкой. Однако ни разу за все три забастовочных дня глава ковена ее не навестила. Что ж, игра будет продолжаться, пока та не явится к ней. Или пока Регина не испустит дух.

На четвертое утро Кэссиди пришла к ней, по обыкновению притащив серебряный поднос с завтраком и питьем. На сей раз она раздраженно брякнула подносом о стол, чуть не разбив стеклянный графин с прохладным морсом, нависла над лежавшей Региной и рывкнула:

– Так, мне надоело таскать для тебя персональные завтраки, обеды и ужины, Регина, я твоей личной официанткой не нанималась! Прекрати страдать ерундой и поешь уже, наконец.

Кэссиди тяжело дышала, нависнув над ней, впилась в нее глазами – Регина чувствовала осуждающий взгляд даже сквозь одеяло. Не дожидаясь, пока постель воспламенится от праведного гнева соседки, Регина медленно вынырнула из одеяльных доспехов и села, опершись о спинку кровати.

– Я и кусочка в рот не возьму, пока кто-нибудь не расскажет мне о матери.

Кэссиди провела ладонью по лбу, устало вздохнула и плюхнулась рядом с Региной.

– Тогда ты уморишь себя голодом, потому что никто не расскажет правды, – огорчила ее Кэссиди. – Ну же, хватит истязать себя, это делу не поможет.

– А что поможет? – спросила Регина бесцветным голосом. Живот крутило от колик, во рту пересохло, отчего язык ворочался с трудом.

Кэссиди помедлила немного, а затем тихо сказала:

– Боюсь, настоящую правду знает только твоя мать, но даже ее уста теперь закрыты.

Регина повернула к соседке голову и с мольбой проговорила:

– Я хочу увидеть ее.

Кэссиди уставилась на Регину в растерянности.

– Но она ведь тебя и не вспомнит! Что тебе даст эта встреча, кроме боли?

– Я хочу убедиться. И ты поможешь мне в этом.

Кэссиди нахмурила брови и недоверчиво прищурила зеленые глаза.

– И с чего бы мне помогать тебе, «Ведьма из Блэр»?

Регина шустро уцепилась за свое новое прозвище и прокрутила в голове интересную мысль, которая могла спасти ее положение.

– С того, что ты, как видно, частенько наведываешься в мир людей, несмотря на запрет, – парировала Регина, довольствуясь тем, что мозг за три голодных дня не успел вконец иссохнуть. – Чего тебе стоит еще разок забросить меня туда?

Кэссиди тяжело выдохнула и прикрыла веки. Твердое и уверенное туше! Десять очков зачисляются на счет Регины Дарквуд.

– Хорошо, будь по-твоему. Я помогу тебе вырваться.

Регина распахнула глаза и оживилась, несмотря на трехдневную жесткую диету. Она вглядывалась в лицо соседки, пытаясь отыскать следы лжи или издевки, но не обнаружила их.

– Правда? Как ты это провернешь?

– Это уже мои проблемы, – отмахнулась от нее Кэссиди, как от мухи. – Но у меня одно условие.

Регине даже не пришлось ломать голову в догадках, чтобы угадать, чего та от нее хочет.

– Ты должна поест!

Тем же вечером Кэссиди тайком вывела Регину за пределы Кайллек-Хилла. Удостоверившись, что все ведьмы разбрелись по своим комнатам и никто не застигнет двух беглянок врасплох, рыжая соседка провела Регину за ворота. Вдвоем они, укрытые покрывалом колдовского тумана, нырнули в чащу. Регина пришла к выводу, что запрет посещать лес никого особенно не останавливал, и без опаски следовала за соседкой.

– Дай мне руку.

Регина послушно протянула ей ладонь.

– А теперь подумай о доме, иначе я отправлю тебя обратно в замок, ведь у меня иного дома нет.

Перед мысленным взором ее предстала вереница мест, где они с матерью успели побывать. Зацепившись за последний дом с садиком и витриной «Лавки на Тихом холме», она судорожно вобрала в себя воздух.

Когда Кэссиди плавно провела кистями рук по воздуху, перед Региной показалась знакомая прозрачная завеса.

– Насколько часто ты так путешествуешь? – с поддевкой поинтересовалась Регина.

– Не твоего ума дело, – огрызнулась рыжая, но от Регины не укрылась легкая тень усмешки на розовых губах. Ее определенно радовало, что она обрела сообщницу в своих тайных делишках.

Кэссиди подвела ее к порталу и сказала напутственно:

– Ну что ж, прыгай, дорогуша. Но особо ни на что не надейся: Керидвена найдет тебя еще до того, как пробьет полночь, а из матери ты ничего не вытянешь – чары старейшины крепки.

Регина и слушать ничего не хотела, пока не удостоверится лично. Она с благодарностью взглянула на Кэссиди, но та только пожала плечами, шагнула в кусты и вскоре исчезла. Регина собралась с духом и ступила в портал.

Завеса переместила ее в лесополосу, через которую ведьмы уводили Регину в свои отчужденные края. Вокруг заметно стемнело. Сверчки уже завели свои трели, а птицы, напротив, смолкли, засыпая на ветках. Регина не стала терять ни минуты, памятуя о том, что Керидвене не понадобится много времени на ее поиски, и стремглав помчалась по направлению к Бэйквеллу.

Голодовка все же сказалась на здоровье Регины: не прошло и десяти минут, как она уже безбожно задыхалась, но не сбавляла темпа. Возможно, счет шел на минуты, и, прежде чем ее настигнут и воротят в замок, нужно успеть увидеть мать. Черпая слепую надежду из своего нутра, Регина прибавила ходу и вскоре выбралась из леса в город.

Когда перед ней показался дом, успевший за полгода стать родным, сердце Регины екнуло. Она все время кочевала из города в город, говорила, что ни одно место не было ее настоящим пристанищем, но сейчас, завидев окна с болотного цвета ставнями и маленький, дремлющий осенью сад, она осознала, что домом автоматически становилось любое место, где была мама.

Регина решительно шагнула вперед.

На первом этаже горел теплый свет. Подойдя к окнам, она увидела на кухне женскую фигуру, знакомую до боли в груди. Гвендолин что-то стряпала на огне и легонько улыбалась, о чем-то задумавшись. Волосы ее привычным образом были собраны на затылке, в ушах висели сережки-капельки, а поверх домашнего платья повязан хлопковый передник с ручной вышивкой. Ничто не изменилось за эти дни: мама выглядела по-прежнему и даже... счастливее. Спокойнее. Регина содрогнулась от мысли, которая расколола ее надвое.

«Ей без тебя лучше».

Увидев, что Гвендолин не трясется от страха, не раскачивается в трансе и не бежит наверх собирать чемоданы, а пребывает в гармонии с собой, Регина с болью осознала, что больше матери и незачем убегать, некого защищать. И нечего бояться. Все, чего она так опасалась, уже свершилось, и вместе с тем освободило ее от рабства своего же страха.

На глазах Регины выступили жгучие слезы. Она машинально отошла от окна, не желая себя обнаружить. Замерла в отдалении, не в силах отвести замутненных глаз от фигуры Гвендолин, но голос, внезапно раздавшийся за спиной, заставил ее обернуться:

– Не стоит ее трогать, Регина.

На удивление, Керидвена не явилась за ней. Перед девушкой стояла Эдана в платье винного оттенка и сочувственно улыбалась. Увидев слезы, стоявшие в глазах девушки, ведьма подошла ближе и приобняла Регину за плечи.

– Думаю, ты и сама видишь: счастлив тот, кто живет в неведении. Не нужно врываться в дом и взывать к ее памяти – она испугается и вызовет полицию, ведь ты для нее не более чем незнакомый человек с улицы.

Это прозвучало жестоко, но правдиво. Слишком правдиво.

– Я так надеялась... Думала, ей плохо без меня. Думала, она увидит меня и вспомнит, расскажет, что случилось в прошлом, и я, возможно, чем-то смогу ей помочь.

Регину и саму коробило от того, насколько наивно звучали ее слова. Теперь она видела это отчетливее, словно с глаз спали шоры.

– Ох, Регина, – вздохнула Эдана, крепче обнимая девушку. – Ты сможешь ей, если оставишь в покое. Отпусти ее, как и все свое прошлое.

Регина подавила желание разрыдаться и проглотила тугой комок в горле. С неохотой она признала, что Эдана права: теперь все, что ей оставалось – вернуться в мрачный замок и следовать пути ведьмы, как бы ни было больно сейчас уйти.

– Пойдем. – Эдана легонько подтолкнула девушку в сторону леса и взяла за холодную руку. – Пора вернуться в новый дом.

И Регина послушно поплелась за ведьмой, защелкивая на сердце замок. Ей хотелось запечатать себя изнутри навсегда и ото всех, а ключ забросить в глубокие темные воды, где никто не сумеет его отыскать.

Как только они с Эданой прибыли в замок, Керидвена вызвала Регину на ковер. Уже ничего не боясь, Регина безвольно поплелась в башню. Отворила тяжелую дверь, прошла внутрь и села за стол напротив главы ковена. Та сидела с непроницаемым лицом и смотрела сквозь нее. Регине было все равно. Пусть говорит, что хочет, своего ведьма уже добилась. Она сломала ее дух, забрала единственное, что озаряло светом ее жизнь, а больше и терять нечего. Эту битву Регина безнадежно проиграла.

– Кажется, я совсем недавно говорила, что к людям возвращаться строго запрещено. Неужели твоя память так коротка? – заговорила ведьма.

От голоса ее сквозило холодом. Регина молчала. Ей начинало казаться, что в башне она будет частым гостем.

Керидвена устало вздохнула и потерла пальцами переносицу.

– Как же ты не поймешь? Мы не враги тебе, – продолжила она. – Но поступая наперекор заветам ковена, ты настраиваешь нас против себя.

– Мне нужно было... попрощаться, – соврала Регина, но, сказав это вслух, осознала, что отчасти так оно и было. – По-человечески.

Керидвена недоверчиво сузила глаза и продолжила:

– Я понимаю, чего ты добиваешься, Регина.

– Неужели моя забастовка не прошла даром?

– Если продолжишь мне язвить, то отправишься жить в подвал, – строгим тоном отчеканила ведьма. – Там сыро, водятся крысы и наверняка обитают неуспокоенные души казненных ведьм – вполне достойная компания для дерзкой девчонки!

Регина поняла, что перегнула палку, и замолкла. Раз уж ей суждено провести здесь остаток жизни, придется много слушать и мучительно подстраиваться под угнетающие правила.

Или терпеливо искать в них лазейки.

– Мне хочется, чтобы ты стала лучше матери, возвысилась над темным прошлым и смотрела не назад, а только в завтрашний день. И я очень надеюсь, что ты внимлешь моим словам и пойдешь навстречу, поскольку не хочу жалеть о сделанном выборе и думать, что зря совершила этот обмен. Да, сейчас тебе очень хочется узнать правду о Гвендолин, но ради твоего же блага я ничего не расскажу. Возможно, когда ты станешь чуть старше, когда ты сможешь это правильно понять...

– Мне девятнадцать, а не девять лет, – перебила ее Регина и скрестила руки. – Я и сейчас способна все осмыслить.

Керидвена как-то скорбно улыбнулась и покачала головой.

– Многие так думают, но они ошибаются. Всему свое время.

Регина хотела было возразить ведьме, как вдруг вспомнила о рыжей соседке, что помогла ей бежать.

– Вы ведь уже знаете, кто мне помог, не правда ли?

Керидвена только отмахнулась и раздраженно притопнула.

– Что с ней будет?

– Да ничего не будет, – фыркнула Керидвена и отвернула от Регины уставшее лицо, показывая, сколько хлопот и неприятностей доставляет ей эта особа. – Ее желание тебе помочь было вполне естественным. Кроме того, мисс МакКена выкидывает фокусы не первый день. Думаю, сам факт, что придется возиться с ведьмой-новичком, уже подобен испытанию для твоей соседки, вот и пусть помучается с пользой для других. А теперь – ступай и ложись спать, с завтрашнего дня начинается твое обучение. Пора занять место своей матери.

Очнулась Айна уже в темнице незнакомого замка, служившего оплотом местной общины ведьм. На лицо ей капнула вода, просочившаяся с сырого потолка, и пробудила от колдовского дурмана. Ведьма вскочила с ледяного каменного пола и затравленно осмотрелась: темница была совсем маленькой, сырой, стены обросли плесенью, а запах в ней стоял, как в могиле. Взгляд Айны остановился на деревянной двери с маленьким зарешеченным оконцем. Она тут же бросилась к ней, заколотила по дереву, хотела подергать от безнадёги, да ручки у нее по эту сторону не оказалось. Айна вопила и шипела, молотя кулаками в дверь, но никто не откликнулся на ее зов. Тогда Айна отошла на пару шагов и призвала магическую силу, намереваясь вынести дверь из проема. Ничего.

Сердце птицей забило в груди. Почему сила не откликнулась ей? Айна вскинула руки и попыталась счастья снова – ничего не произошло.

«Великая Мать, они лишили меня сил!» – с горечью подумала Айна и так и рухнула обратно на пол, пораженная собственной беспомощностью. По замерзшим щекам ручьем лились обжигающие слезы, громкие всхлипы ведьмы разорвали тишину темницы.

Вот и все. Вскоре она отправится к своим братьям, бесславно сгинув в этой глупой, несправедливой войне. Мать бы отреклась от нее, будь она жива, прокляла бы на веки вечные. Айна недостойна зваться Пендреггар, раз позволила себя изловить. А на рассвете ее ожидает казнь.

С полчаса она безутешно рыдала. В отчаянии металась как зверь в клетке, стонала, заламывала руки и в конечном счете села на холодный пол, обняла колени и уткнулась лицом в грязную ткань платья.

Айна понимала, сколь страшны деяния ее семьи в глазах Трибунала. Надеяться на помилование было наивно и глупо, и все же... Внутри теплилась робкая надежда, что она сможет оправдаться. Чем Айна заслужила такую участь? Если как следует вдуматься, то разве у нее с братьями был выбор? Будучи детьми Кровавой Морвен, разве могли они пойти против воли

могущественной матери? Все они были лишь куклами, которыми Морвен умело управляла, кем пользовалась, чтобы упрочить свое влияние. Дети Морвен должны были получить помилование, они заслуживали снисхождения... Так считала запутавшаяся Айна, сидя в сырой темнице и устраивая торги со смертью.

Внезапно легкое дуновение ветра донесло до слуха Аины еле слышимый шепот из ниоткуда:

«Айна...»

Она встрепенулась и испуганно заозиралась по сторонам. Из небольшого зарешеченного проема в стене струился лунный свет, сгоняя сумеречную тьму в углы ее маленького обиталища. Здесь она была в полном одиночестве, вокруг – лишь сырость и плесень, проедавшая камень.

Но шепот повторился.

«Айна Пендрегар...»

На сей раз Аине почудилось, будто шепот доносился с противоположного, самого темного угла, куда не доставало лунное сияние. Тьма клубилась там и будто бы щупальцами расплзалась по всей темнице. Сердце ведьмы в страхе забилось меж ребер, кровь прилила к заплаканному лицу. Что за чертовщина?..

– Кто здесь? – робко пролетела Айна осипшим от длительного молчания голосом. Она с опаской всматривалась в темный туман, что двигался прямо к ней. Как только черное щупальце достигло ее ног, ведьма в страхе вскочила с пола и закричала:

– Уйди прочь!

Айна затаила дыхание и боялась пошевелиться. Неужто сам Нечистый явился из преисподней по ее душу?.. Она несколько мгновений глядялась в темный угол и, к собственному ужасу, различила в нем светящиеся красные глаза. Поток затхлого воздуха пронесся по темнице и взъерошил ее длинные каштановые волосы.

«Я могу помочь тебе», – услышала Айна шепчущий голос, что говорил с ней из черного угла.

– К-кто ты? – пролетела Айна, дрожа от потустороннего холода. – Кто говорит со мной?

«Я твое спасение», – молвил голос, и тут его обладатель показался из темноты.

Перед ней предстал высокий и по-своему симпатичный юноша: еще молодой, с длинными волосами цвета воронова крыла, что рассыпались по плечам, и в одежде, не соответствующей нынешней моде. Он был словно призрак из ранних времен, бледнолицый, с острыми скулами, тонким выразительным носом с изломом на переносице и пронзительным взглядом серых глаз, которые больше не отсвечивали красным.

Айна покорно опустилась перед ним на колени.

– Ты неуспокоенный дух, что пришел забрать меня? – спросила Айна, пытаясь собраться с мужеством и принять его ответ без страха. Рассвет был уже не за горами, а значит – терять ей уже нечего.

Лицо юноши озарилось улыбкой, но улыбкой холодной, безжизненной.

– Нет, я пришел помочь тебе, Айна Пендрегар, – повторил юноша и вдруг присел перед ней на корточки, чтобы заглянуть прямо в глаза. Голос его стал объемнее, отражаясь от стен темницы. – Тебе ведь нужна помощь, не так ли?

Юноша обвел рукой сырой карцер, напоминая, что она в плену и ожидает казни, будто о таком можно забыть. За окном ночная тьма неотвратимо расступалась и светлела, а значит, близился рассвет. Близилась ее погибель.

Айна села на пол, снова прислонилась к каменной стене и блеклым голосом изрекла:

– Никто уже не поможет мне, призрак. Мою мать разорвали на куски, братьев казнили. И меня скоро казнят, вслед за ними. Меня ждет смерть.

Юноша игриво склонил голову набок, словно не осознавая ужаса ее ситуации.

– Ты хотела бы избежать наказания? – невинно спросил он.

Айна уставилась в его стеклянные глаза и с чувством сказала:

– Я не заслужила такого конца!

Юноша согласно закивал.

– Конечно же, не заслужила! – Тут он встал, прошелся по темнице и продолжил: – Что, если я помогу тебе сбежать?

Айна лишь повела плечами и недоверчиво фыркнула:

– Как же, сможешь ты. Как я могу сбежать из заколдованной темницы? Да и ты всего-навсего дух, что ты можешь?

Он развернулся к ней лицом и отчеканил:

– Я могу все.

Глаза юноши опасно сверкнули в темноте.

– Понимаю твое смятение, юная Айна, понимаю твое отчаяние. Но уверяю, что смогу быть тебе полезен.

– Что ты можешь мне предложить? – Айна скрестила руки и внимательно слушала. Надежды в ней не прибавилось, но поговорить хоть с кем-то спустя столько времени в бегах было для нее настоящей отдушиной. Особенно – в преддверии скорой гибели.

– О, я могу подарить тебе Жизнь, – воскликнул юноша и театрально всплеснул руками. – Жизнь долгую и достойную последней из рода Пендреггар. Но, видишь ли...

Айна подавила вздох разочарования. Конечно, всегда найдется «но», ничего не бывает просто так. И даже бесплотный дух чего-то просит взамен. Она ждала продолжения и испытующе смотрела на призрака.

– Я в своем роде тоже пленник, и в плену я так долго, что уже потерял счет времени. Мне ли не понять твоей печали? Признаться, мне даже завидно. Я так стар, что смерти не боюсь, а жажду... Только в моем случае она не наступит никогда.

Айну от его слов обуял озноб, и она обняла себя за холодные плечи, потирая их и согревая. Будто мало ей было самобичевания, так еще и беспокойный дух давил на больное!

– Несмотря на мои собственные оковы, я все еще способен повлиять на судьбы других. Я помогу тебе освободиться... Но кое-что попрошу взамен.

– Ты тоже хочешь освобождения? – догадалась Айна и внимательно посмотрела на него.

Юноша расплылся в одобрительной улыбке.

– Именно. Поскольку я не могу умереть окончательно, не имею возможности раствориться в вечности, то хочу освободиться.

– Но я даже не знаю, кто ты, – возразила ведьма. – Назови хотя бы имя? Расскажи свою историю, призрак, чтобы я знала, смогу ли тебе помочь, если каким-то чудом ты и правда вызволишь меня из заточения.

Юноша встал у окна к ней спиной и чуть помедлил с ответом, словно вспоминал свое имя, забытое так давно, что и не представить.

– Когда-то меня звали Арденом.

В этот же момент он повернул к ней свое лицо и вместо приятных юношеских черт Айне открылся его настоящий облик – облик чудовища, с истлевшей сухой кожей, провалами глазниц, источавших жуткое красное свечение; кости проступали, обнажая голый череп...

Айна вскрикнула.

– Вот чем я стал. Вот чем они меня сделали... – прошамкал Арден полуобнаженной челюстью. – Меня заключили в Пустоту, где нет ничего и никого, лишь я один, незаслуженно лишенный возможности существовать. Большие не осталось ничего от того приятного юноши, чей образ ты видела: только сухой труп, который будет вечно гнить во Тьме и дальше превращаться в монстра.

Айна сглотнула и вдруг прониклась к этому существу толикой сочувствия. Чем-то его рассказ напомнил ей собственную жизнь: ее также несправедливо осудили, не дали и шанса оправдаться, отняли все дорогое, что у нее было, и скоро поведут на плаху. Чудовище, стоявшее перед ней, утратило человеческий облик и выглядело одновременно и страшно, и жалко, а потому ужас, поначалу затопивший нутро Айны, тут же отступил.

– За что тебя заточили в Пустоту? – спросила она, всматриваясь в призрачную фигуру у окна.

Арден рассказал не сразу.

– Страх, Айна, творит с людьми ужасные вещи, и колдуны с ведьмами не исключение. Когда-то очень давно, на самой заре времен, когда люди только-только открыли в себе способность колдовать, вторгаться в естественный ход вещей, они не знали, насколько огромен их потенциал. Узнать об этом суждено было мне. Увлечись не на шутку, я днями и ночами постигал магическое искусство, открывал новые знания, черпал их отовсюду, а духи помогли мне. И я сам не заметил, как переступил через черту невозврата.

Айна молчала, ожидая продолжения истории. Существо развернулось и снова приняло облик юноши, чтобы не смущать ее. Арден присел под окном напротив Айны. Призрак его как будто легонько замерцал, то исчезая, то вновь проявляясь в темноте. Пустой взгляд он вперил в стену и продолжил свой рассказ:

– Я стал слишком силен, слишком... могущественен. Тьма, воззвавшая ко мне, открыла безграничные возможности, которых я жаждал. И старейшинам из моей общины это не понравилось. Они испугались моего могущества и строили планы, как меня остановить, вместо того чтобы примкнуть ко мне и разделить со мной ценные знания. Я нес им свет, уготовил им сокровище, а они испугались и предали меня.

– Что именно они сделали?

Арден шумно вздохнул, будто неприятные воспоминания причиняли его бестелесной оболочке физическую боль.

– Они собрали Круг из ведьм и колдунов и создали Ритуал, который способен был меня уничтожить... Они обманом заманили меня в ловушку и заточили в Пустоту – место, где нет ничего живого, и где мне предназначалось гнить до конца времен, а, может, и после них.

– Но это жестоко! – воскликнула Айна, с жалостью взглянув на юношу. Тот поднял на нее глаза: в них читалось согласие.

– Мы с тобой одного поля ягоды, – изрек он и улыбнулся краешком губ. – И именно поэтому я явился именно тебе. Только ты способна понять меня и помочь освободиться. И отомстить.

– Но что я могу?.. – удивленно спросила ведьма. – И разве сумеешь ты мне довериться? Ведь я могу потом скрыться и забыть о твоей просьбе.

Арден усмехнулся и встал с пола. Подошел к Айне и протянул ей призрачную руку.

– Конечно, юная ведьма, ты очень проницательна. Поэтому мы скрепим наш договор клятвой.

Айна тут же нахмурилась. Рука его все еще была протянута перед ней, но ведьма не спешила вписываться в опасную авантюру. Что-то, а раздавать клятвы направо и налево она не любила.

– Откуда мне знать, что твоя жалостливая история не выдумка?

Внезапно темницу залило ярким солнечным светом. Ведьма и не заметила, как за разговорами ночь сменилась занимающейся зарей. Время казни неумолимо приближалось.

– Боюсь, у тебя нет выбора, – покачал головой Арден, явно уверенный в своем успехе. – Если ты не согласишься на сделку, тебя растерзают на потеху Трибуналу.

Айна посерьезнела. Она понимала, что дух прав: выбора у нее нет. Да и что она теряет, согласившись помочь?

Снаружи за дверью послышался шум чьих-то отдаленных шагов. Погибель подкрадывалась все ближе с каждой секундой промедления. Айна набрала в грудь побольше воздуха и протянула Ардену ледяную ладонь. Его рука была на удивление плотной, ощутимой. Он помог ей встать, а затем крепко сжал пальцы. Темная субстанция на мгновение обвила их ладони, а потом исчезла, словно впитавшись в кожу.

– Настала пора освободиться, Айна, – бархатным голосом проговорил Арден. – Пора птичке выпорхнуть из клетки и расправить черные крылья.

И на этих словах Айна проснулась. Она подняла голову с согнутых колен и поднялась с каменного пола. Неужели это был лишь дурной сон? И никакого спасения ждать не следует?

Шум шагов, слышимых даже сквозь сон, становился ближе. Сердце ведьмы сжалось.

«Что же мне теперь делать?»

Айна недолго пребывала в растерянности и просто доверилась случаю. Она встала напротив двери, дождалась, пока пленители ее отворят, а как только дверь распахнулась – выпустила мощный залп по вошедшему друиду. Его белый плащ тут же загорелся, а самого его отбросило к противоположной стене.

Сила вернулась к ней! Неужели ей это все не привиделось, и загадочный юноша сдержал свое слово?..

Айна выскочила из темницы в длинный коридор и осмотрелась.

– Держите ее!

Впереди уже бежали ведьмы, собираясь ее остановить, но Айна, вдруг обретшая небывалую силу, разбросала их по сторонам: ударила их немолодые тела о каменные стены, разможила черепа и наслаждалась громким хрустом костей. Больше ничто не препятствовало побегу, и девушка быстро нашла выход наружу.

Она бежала долго. Радость и восторг так сильно переполняли ее изнутри, что ведьма не замечала усталости и сбитого дыхания. Неслась вперед и неслась, не дожидаясь, пока остальные колдуны и ведьмы вновь отправятся вслед за ней.

Айна ворвалась в ближайший лес и пересекала его, не сбавляя темпа. И только когда она добежала до другого его конца, перед ней вдруг снова возник Арден. Ведьма остановилась, отдышалась, а затем широко улыбнулась юноше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.